

Посол. Разорванный остров

Автор:

Вячеслав Каликинский

Посол. Разорванный остров

Вячеслав Александрович Каликинский

Вячеслав Александрович Каликинский (род. 26 октября 1951) – журналист и прозаик, автор исторических романов, член Союза писателей России. Действие шпионского романа «Посол: разорванный остров» основано на реальных событиях 1870-х гг., связанных с развитием русско-японских отношений. Камнем преткновения на этом пути становится остров Сахалин. По Симодскому трактату 1855 г. – первому дипломатическому соглашению между Россией и Японией – он признан их совместным, нераздельным владением. Но активное заселение острова сначала русскими, а затем японцами обостряет обстановку, и для разрешения возникших противоречий в российскую столицу Чрезвычайным и Полномочным послом направлен Эномото Такэаки, получивший вместе с дипломатическим рангом новый военный чин – вице-адмирала японского императорского флота. Фигура посла, самурая, блестяще образованного офицера, чудом пережившего опалу за мятеж против императора, привлекает пристальное внимание российского внешнеполитического ведомства и становится предметом большой политической игры, в которой противники нынешнего императора Японии преследуют свои интересы. Эномото, отправляясь в Санкт-Петербург, даже не подозревает, что ему грозит смертельная опасность. Нежданного друга и помощника он находит в лице молодого российского офицера Михаила Берга. Сможет ли тот спасти японского посла? Об этом вы узнаете, прочитав роман.

Вячеслав Каликинский

Посол. Разорванный остров

Пролог

– Мишель, я хочу попросить вас кое о чём... Только пообещайте мне две вещи: во-первых, непременно выполнить мою просьбу...

– А во-вторых? – Михаил Берг, во все глаза, словно впервые открывая для себя, глядел на трогательные завитки пепельно-русых волос на тонкой девичьей шее, борясь с желанием протянуть руку и потрогать эти завитки. – Говорите, Настенька, не смущайтесь!

Михаил Карлович Берг, двадцатилетний прапорщик Сапёрного батальона, смотрел на свою невесту Настеньку с нешуточным обожанием. Он был готов исполнить любое её желание. Готовность осчастливить весь мир свойственна всем искренне влюблённым, в эту минуту сердце прапорщика захлестнула волна безудержной щедрости.

Настенька Белецкая искоса поглядела на жениха.

– Во-вторых, вы не должны надо мною смеяться, а самое главное, не думать обо мне скверно. Как о сумасбродке, которая совсем не помнит о приличиях, а только о нарядах.

– Обещаю, Настенька!

– Нет, я и вправду не такая! Честное слово! Но у вас, Мишель, такая okazия, что удержаться просто невозможно! Так обещаете?

– Клянусь!

– Мишель, если вы и вправду, как предполагаете, попадёте нынче весной в Париж, то... Не привезёте ли вы мне кое-что от мэтра Ворта?

– Мэтр Ворт? А кто это, Настенька? Ваш знакомый? Родственник?

Настенька рассмеялась:

– Глупенький... Впрочем, как и все мужчины... Хотела бы я быть родственницей этого Ворта – как и все дамы и девицы Европы, наверное. Нет, мы не родственники и, к сожалению, не знакомы. Мэтр Ворт – знаменитый французский портной английского происхождения. Кутюрье, как говорят в Париже. О нём много пишут в журналах, Мишель... У него в Париже ателье, так и называется – «От кутюр». А шьёт он, как пишут, не только на заказчиц, но и на манекенщиц. Ну, на девиц определённого сложения и телесной конституции, понимаете?

– Пока не очень, Настенька, – хмель от нескольких бокалов шампанского, выпитого Бергом на собственной помолвке, начал выветриваться из головы.

Невеста, мельком глянув на закрытые двери оранжереи, куда несколько минут назад специально утащила жениха, бросилась к нему на шею.

– Мишель, всего одно платье! Привезите мне только одно платье от Ворта, и у вас будет не только самая красивая, но и самая счастливая невеста во всём Санкт-Петербурге! Счастливая и благодарная, Мишель! Ну, пожалуйста! Обещайте мне!

– Ну, разумеется, разумеется – всё что угодно, Настенька! Вот только смогу ли я угодить? – чувствуя, что от запаха волос невесты голова у него снова начинает кружиться, Берг чуть отстранился, шутливо погрозил пальцем. – Помните, я как-то сопровождал вас в «экспедицию» по галантерейным лавкам? Вы тогда, Настенька, какие-то ленты искали или пуговицы... Право, теперь и не вспомнить!

– И что же?

Берг рассмеялся:

– Вы тогда, Настенька, какие-то дамские мелочи два часа искали, всех приказчиков в галантерейном ряду на ноги подняли, покуда нашли... А тут целое платье! Да разве я в дамских платьях хоть что-то понимаю, Настенька? Нет, я, конечно, пойду к этому вашему Ворту, и потребую самое лучшее, не сомневайтесь! Только вот угожу ли?

– Угодите, если постараетесь, Мишель! Во-первых, я дам вам номер журнала «La mode» с изображением. И снабжу вас. Снабжу вас снятою с меня портновскою

меркою – мы ведь уже помолвлены, – это вполне прилично, я думаю, когда жених знает пропорции своей будущей жены, не так ли?

Сохраняя на лице добрую улыбку, Берг представил себя в некоем «дамском царстве», выбирающим нужные фасоны платьев... под насмешливыми взглядами приказчиков и посетителей. Чёрт... Неужто Настенька, такая умная девица, не понимает, что есть вещи, делать которые русскому офицеру просто неприлично? Нет, наверное, не понимает. И не поймёт: услышала только про Париж, и вся уже мысленно там. Отказывать и возражать, разумеется, нельзя, – возьмёт и вернёт кольцо, с неё станется! Характер-то у моей Настеньки отцовский, железный... Ладно, поглядим...

– Ладно, поглядим, Настенька, – повторил он вслух, снова зарываясь лицом в волосы невесты.

– Обещаете, Мишель? – чуть отстранившись, Настенька подняла голову, требовательно и очень по-детски глядя ему в глаза.

– Слово военного сапёра! – шутливо щёлкнул каблуками Берг.

Военная карьера прапорщика Михаила Берга началась пять лет назад, когда отец привёз юношу в Санкт-Петербург. Баллов при сдаче экзаменов в Инженерное училище для зачисления не хватило, и Карл Берг, недолго сомневаясь, решил: сыну будет только полезно начать познавать службу с самых азов, со школы вольноопределяющихся.

Мише Бергу, не возражавшего против решения семьи определить его, единственного сына, по военной линии, более всего хотелось стать гвардейским офицером. А ещё лучше – гвардейцем-кавалеристом – однако такие расходы для семейства Бергов оказались неподъёмными. И он по примеру деда согласился стать сначала военным инженером. А когда не получилось, то сапёрное дело оказалось самым близким к семейной задумке.

Через два года Михаил Берг закончил школу вольноопределяющихся. Подав рапорт, он добыл себе место командира взвода в 7-й сапёрной роте, направляемой в Туркестан. А ещё через три месяца получил первое ранение в ожесточённой скоротечной схватке под Хивой. За ранением последовала и первая награда, потом вторая.

По завершению Туркестанской кампании Берг некоторое время прослужил при штабе наместника государя, генерала Кауфмана. Однако мирная служба в далёком гарнизоне оказалась молодому подпоручику не по нутру. И он при первой возможности перевёлся в Петербург, а там дождался вакансии в Сапёрном лейб-гвардии батальоне, и в чине прапорщика был зачислен исполняющим должность батальонного казначея.

Мирная жизнь, хоть и в столичном гарнизоне, тяготила молодого офицера. Получив боевой опыт во время Туркестанской экспедиции Кауфмана, он и теперь был готов воевать где угодно и с кем угодно. Тем паче что жалование младшего офицера в мирное время было мизерным, и, даже не играя в карты и не пускаясь во все тяжкие, Берг часто честно делил с денщиком единственную булку с чаем и ложился спать полуголодным.

Большинство прочих младших офицеров из небогатых семей смотрели на такое положение дел философски, делали долги и рыскали по Петербургу в поисках всё новых заимодавцев. Берг долгов старался не делать и подавал рапорты всякий раз, как где-нибудь на окраине империи начиналась военная заварушка. Однако в короткую боевую командировку – снова в Туркестан – удалось вырваться только один раз, да и то на полгода. Вернувшись в батальон, Берг стал ждать новой военной okazji.

Однако новых войн у России пока не предвиделось, и 20-летний прапорщик начал подумывать о женитьбе и неизбежной, как следствие, отставке с военной службы. И тут сама судьба, кажется, пошла ему навстречу: на одном из рекомендованных господам офицерам благотворительных балов Берг был представлен единственной дочери главноуправляющего штабом Корпуса инженеров при министерстве путей сообщения, тайного советника Белецкого, Настеньки.

Отец Настеньки поначалу отнёсся к новому знакомому дочери с прохладной и малоскрываемой иронией и при первом же личном знакомстве затеял технический спор о туннельном строительстве. Однако попытка «срезать» молодого офицера-сапёра не удалась. Михаил Берг смело отстаивал свою точку зрения, а немного погодя по почте прислал Белецкому вырезки из журнальных статей, подкреплённые собственными расчётами. Приятно поражённый технической эрудицией молодого офицера, Белецкий стал всячески поощрять углубление знакомства своей единственной дочери, а позже, убедившись в

серьёзности намерений молодого человека, твёрдо обещал будущему зятю, после его выхода в отставку с военной службы, достойное место в министерстве путей железнодорожного сообщения.

Словом, партия намечалась вполне достойная. Единственное, что смущало Берга – то, что его собственное семейство было отнюдь не богатым. И будущий брак с дочерью владельца огромных поместий и, как оказалось, крупного акционера в золоторудной промышленности, мог породить досужие сплетни о «женитьбе на деньгах». Но судьба и тут пошла ему навстречу: зимой отошедшая в мир иной тётушка Берга сделала его наследником вполне достаточного состояния.

И вот ранней весной 1874 года у Михаила Берга и Настеньки Белецкой состоялась помолвка. Свадьбу было решёно сыграть по старорусскому обычаю, в декабре. А пока у прапорщика Берга случилась неожиданная, но приятнейшая командировка: командир батальона князь Кильдишёв назначил его и ещё двух офицеров в сопровождение на лечебные воды в Швейцарию команды выздоравливающих раненых. Сопровождающим было неофициально разрешено использовать недельный отпуск для поездки в Париж. Узнав об этом, Настенька не смогла удержаться и немало озадачила жениха необычным своим поручением, от которого было никак невозможно отказаться!

Глава первая

Ранней весной 1874 года небольшой отряд всадников прибыл в Кагосиму, проделав длинный путь из новой столицы Японии, Токио. Пешие воины, сопровождавшие всадников, бежали впереди кавалькады и разгоняли с пути кланяющихся простолюдинов – ремесленников и торговцев.

У ворот огромного дома военного министра страны Сайго Такамори, год назад вышедшего из правительства, но сумевшего сохранить за собой пост главы военного ведомства, небольшой отряд задержался ненадолго: стража министра была заранее предупреждена об этом визите и получила приказ встретить гостей с почтением.

В покои военного министра, впрочем, вошли только двое из приезжих – министр финансов Окуба Тосимити и самый влиятельный член кабинета министров от

клана Тосо, Сасаки Такаюки. Слуги отвели их в помещение для гостей, усадили за низкий столик, женщины-прислужницы начали угощать их чаем. По принятому обычаю, помещение было практически пустым. Кроме столика, в комнате было лишь китё[1 - Предмет убранства традиционной японской комнаты в богатых домах – сооружение из двух столбиков с перекладиной, на которую вешались разноцветные шёлковые ленты. – Здесь и далее примеч. автора.]. Примерно через час, сочтя отдых приезжих достаточным, Сайго пригласил их на свою половину. Здесь после церемонии приветствий хозяин дома и его гости вновь очутились за низким столиком, возле которого тут же засуетилась молчаливая прислуга.

Дав гостям немного подкрепиться и выпив с ними несколько чашечек саке, Сайго наконец с еле уловимой долей иронии поинтересовался:

– Как здоровье Тэнно[2 - Почтительное именование японского императора.]?

– Император жив и здоров, Сайго-сан. Он по-прежнему проводит почти всё своё время в окружении своих фрейлин[3 - Фрейлин, дочерей видных японских аристократов, при дворе императора Японии было около трёхсот. Все они пользовались огромным влиянием – как и их отцы, сумевшие «пристроить» дочерей. Фрейлины Мэйдзи обладали большой властью при императоре, и вполне могли не допустить ко двору неугодного им человека.], неумолимо пишет весьма посредственные стихи, пьёт вино франкских варваров, а по утрам, мучаясь от последствий неумеренного винопития, пытается заниматься селекцией новых сортов японского ириса.

Хозяин скривил губы в лёгкой усмешке и кивнул: он услышал от гостей то, что и хотел услышать. Чего ещё было ожидать от этого полукровка, прижитого прежним императором Комэем не от законной супруги-императрицы, а от одной из своих наложниц[4 - Мать его действительно была наложницей императора Комэя. Сразу после рождения младенца окунули в Родник Божественной помощи и всё время окружали почтительным вниманием. Новорождённого нарекли Ситино Мийя. По достижению восьми лет он был официально усыновлён императрицей и провозглашён Наследным принцем с именем Мацухито Синно. Позже он получил коронационное имя Мэйдзи (просвещение).]? Божественности происхождения молодого императора это, разумеется, не убавляло, но почти всегда давало повод позлословить.

– Что же нынче привело вас, уважаемые Окуба-сан и Сасаки-сан, в моё скромное жилище?

Гости переглянулись, помолчали, потом, согласно этикету, начал говорить более влиятельный и богатый выходец из клана Сацума, Окуба Тосимити:

– Как вы знаете, Сайго-сан, у нового правительства много дел и забот. Кровавые клановые распри, крестьянские бунты породили в стране голод. Нынче войска, по минованию в них надобностей и для экономии казённых средств, распущены по домам, а воины пополнили число голодающих. По всей Японии бродят шайки вчерашних солдат. Они убивают и грабят, что ещё больше возмущает население против нового правительства.

– Уважаемый друг, зачем вы мне всё это рассказываете? Неужели вы полагаете, что, сменив столицу на тихое сельское убежище, я живу здесь с плотно зажмуренными глазами и заткнутыми ушами? Генерал Курода Киётака ещё осенью прошлого года показывал мне меморандум, который собирался представить нашему юному императору. Генерал – смелый человек: он не побоялся указать императору на катастрофическое положение в стране. В своём меморандуме он прямо заявил, что нынешние реформы не способствуют созданию могущественного государства, перечислил имена десятков высших чиновников, живущих в непозволительной роскоши в то время, когда их крестьяне голодают. Мало того: чиновники нового правительства пренебрегают своими прямыми обязанностями, проводят время в праздности и развлечениях. Это вызывает ненависть к правительству и порождает разочарование в самом императоре, недоверие к его планам и новым реформам. Скажите, Окуба-сан, вы сами-то знаете, сколько насчитывается нынче бунтующих селений и целых провинций?

– На сегодняшний день мы имеем сведения о более чем восьмидесяти бунтах, вспыхнувших с весны прошлого года, Сайго-сан. Но и это ещё не все наши беды, высокородный господин! Англия, Франция и Голландия требуют незамедлительно возврата долгов, порождённых навязанными ими же кабальными торговыми договорами с нашей бедной страной. Миссия Ивакуры Томоми в Европе и Америке провалилась: их аргументы против неравноправных договоров не были даже услышаны! Ваш план военной экспедиции в Корею император и те, кто подобострастно заглядывает ему в рот, отверги. К тому же Россия, как вы помните, Сайго-сан, категорически отказалась пропустить наши войска к границам Кореи через свою территорию. Отказалась – хотя мы прямо

заявили их посланнику, что только в этом случае вопрос о принадлежности Северного Эдзо может быть решён в их пользу. Именно по этому поводу мы и прибыли к вам нынче, Сайго-сан!

– Вот как? – усмехнулся министр. – Но я не любитель вести какие бы то ни было переговоры, неужели вы забыли об этом?

– Мы уверены в вашей прямоте и несгибаемости, высокородный! Однако переговоры по принадлежности Северного Эдзо позволят нам добыть одной стрелой сразу двух журавлей, Сайго-сан!

– Вот как? – снова усмехнулся хозяин дома.

– Да, именно так! – с жаром закивал Окубо Тосимити. – Как вы знаете, начало этих переговоров наше правительство оттягивает уже много лет. И откладывать их далее уже невозможно. В конце концов, неурегулированный территориальный вопрос начинает мешать и Японии!

– Тогда почему наш министр иностранных дел Соэдзима просто не купит этот остров по примеру Америки, купившей недавно у России Аляску? – захохотал Сайго. – Он не единожды предлагал это России, насколько я знаю!

Гости мимолётно переглянулись: министр явно начал резвиться.

– Россия никогда не принимала подобных предложений от него всерьёз, Сайго-сан! Там не хуже нас знают, что у Японии просто нет денег на подобную сделку! Какой остров – мы не можем нынче позволить себе заказать в Америке или Голландии даже пары пароходов! Откровенно говоря, Сайго-сан, – Окубо доверительно понизил голос. – Откровенно говоря, лично мне переговоры по этому острову кажутся излишними! Мы можем с помощью западных держав просто продолжить его колонизацию. Россия на своих восточных рубежах слишком слаба, чтобы противостоять нам в этом! Тем не менее переговоры скоро начнутся!

Сделав паузу, Окубо Тосимити многозначительно замолчал. И военный министр клюнул на эту наживку! Выпив ещё чашечку саке, Сайго деланно вздохнул:

– По-видимому, я и впрямь засиделся в провинции и перестал что-то понимать в политике. Вы утверждаете, что переговоры не нужны, но собираетесь их начать. Позвольте узнать – для чего?

– Для того чтобы использовать сам факт переговоров в нашу пользу, Сайго-сан! Решение уже принято, и теперь министру внешних связей надлежит представить императору на утверждение имя человека, который должен отправиться в столицу северных варваров, чтобы провести переговоры по принадлежности Северного Эдзо. Посланник оросов[5 - Так в Японии того времени называли русских.] в нашей стране нервничает и теряет терпение, – тонко улыбнулся Окубо Тосимити.

– Какое мне дело до нервов и терпения этого чужестранца? – Сайго пожал плечами и коротко глянул на прислужницу, замершую с кувшинчиком саке в ожидании знака. Женщина тут же грациозно опустилась на колени и с поклонами снова наполнила чашечки гостей тёплой японской водкой.

– Разумеется, Сайго-сан, вам нет и не может быть до этого дела. Я сказал вам, что сам факт переговоров, как путь решения давнего территориального спора может принести немалую пользу нашей партии. Я буду совершенно откровенен: как вы знаете, Сайго-сан, ситуация в стране пока не в нашу пользу, и любая попытка отстранить от власти императора Мацухито с помощью военной силы обречена на провал. По крайней мере, в ближайшее время, – поспешно поправился Окубо. – Но то же самое можно сделать и руками северных варваров, оросов, на будущих переговорах с ними.

– Вот как? До сих пор оросы, в отличие от американцев и французов, ведут с нашей страной весьма сдержанную, подчеркнуто уважительную политику. Они не посылают к нашим берегам свои военные корабли, не заставляют Японию под дулами своих пушек заключать унижительные для неё соглашения. Неужели этот остров, Северный Эдзо[6 - Японское название Сахалина.], имеет для них столь огромное значение? Я не раз видел карту Российской империи: их страна столь огромна, что небольшой остров в форме рыбы выглядит рядом с империей как маленький воробей, сидящий на ветвях векового дуба...

– Ценность и значение Северного Эдзо определяется для оросов не его размерами, достопочтимый Сайго-сан. Что же касается Японии, то одни только рыбные промыслы этого острова имеют огромное значение для японских крестьян. Оттуда, с севера, в нашу страну поступает почти треть рыбного тука,

столь ценного для высоких урожаев риса. Кроме того, на Северном Эдзо есть огромные запасы угля. Но дело, повторяю, даже не в этом. И не в чисто военном, стратегическом значении острова.

– Тогда в чём же?

– Как вы знаете, Сайго-сан, наше правительство до сих пор не может определиться с кандидатурой посланника к оросам. Япония слишком бедна людьми, знакомыми с нравами и обычаями Европы, имеющими необходимые знания в области международного права. Мы слишком долго находились за бамбуковым занавесом, отделяющим нас от остального мира варваров, Сайго-сан!

– И что же в том было плохого, Окуба-сан?

– Разумеется, ничего! – поспешно согласился гость. – Самоизоляция нашей страны в прошлом может сыграть нам на руку и нынче, и в будущем!

– Выражайтесь яснее, Окуба-сан! – начал терять терпение военный министр.

– Слушаюсь, высокородный! – гости, синхронно привстав, глубоко поклонились. – Мы почтительнейше просим вас, Сайго-сан, рекомендовать императору назначить полномочным посланником к оросам хорошо знакомого вам Эномото Такэаки.

Если военный министр и удивился, услышав это имя, то виду не подал. Скорее наоборот: он меланхолично и чуть заметно кивнул, словно услышанное совпало с его ожиданиями, и взялся за хаси[7 - Палочки для еды.]. Подцепив ими сочный кусок жаренного на вертеле угря, хозяин положил его в рот, пожевал и откинулся на пятки, уперев чуть согнутые руки в бедра.

Эномото Такэаки, Эномото... Конечно, ему было знакомо это имя! Второй сын в семье хатамото – самураев, приближённых сёгунами дома Токугавы к себе за доблесть. Наличие в семье первенца, по древним законам, существенно ограничивало второго сына в правах наследования на титул и имущество, ему приходилось рассчитывать только на себя. И 17-летний Такэаки отправился из родного Эдо в Нагасаки, где поступил на учёбу в военно-морскую школу, открытую там голландцами. Едва закончив её, он тут же получил приглашение

преподавать там же – уже в качестве сансея, учителя своих вчерашних сверстников. А вскоре Эномото в числе небольшой группы способных молодых мореплавателей был направлен в Голландию, где прежнее правительство Бакуфу заказало военный пароход, первый в Японии. Стажёрам вменялось не только наблюдать за ходом постройки и вникать в секреты голландских корабелов, но и постигать многие незнакомые в Японии европейские науки. Через шесть лет стажёры с триумфом вернулись в Японию на борту военного парохода, названного «Кайё мару», и Эномото тут же получил его под своё начало вместе с чином капитана первого ранга и постом заместителя министра военно-морского флота.

Карьера молодого самурая, казалось, стремительно пошла в гору, но вскоре столь же стремительно завершилась. Верный правительству Бакуфу и клану сёгуна Токугавы, Эномото при реставрации власти императора примкнул к его противникам, поднял мятеж и увёл «Кайё мару» и семь вспомогательных кораблей на Эдзо. Туда же начали стекаться сторонники сёгуната. Остров вполне реально мог стать не только мощным форпостом оппозиции императорской власти, но реальной угрозой этой власти...

Задумавшийся военный министр отправил в рот второй кусочек угря и, наконец, чуть приподнял тяжёлые веки в сторону гостей:

– Этот Эномото, захватив Эдзо, но проиграв битву при Горёкаку, должен был, как истинный самурай, с почётом уйти из жизни. Однако он предпочёл позор суда и тюремного заключения. Это выше моего понимания, Окуба-сан! Вернее, вне моего понятия о долге и чести самурая. Его лишили воинского чина и всех привилегий, полагающихся его сословию. И теперь вы, Окуба-сан, советуете мне рекомендовать императору его кандидатуру для назначения его полномочным послом? Воистину, император может подумать, что его военный министр, предлагая такое, просто сошёл с ума...

– Новые времена требуют новых решений, Сайго-сан! этот Эномото, что ни говори, один из самых образованнейших японцев и единственный в нашей стране человек, знакомый с международным правом европейских держав!

– Пусть так, Окуба-сан! Хотя, по моему убеждению, никакие знания и заслуги не оправдывают позора самурая, забывшего законы предков. Наверное, всему виной долгое проживание вне Японии, среди варваров. Пусть так – но ведь в глазах императора Эномото всё равно продолжает оставаться вчерашним

мятежником, государственным преступником. Если бы не заступничество генерала Курода Киётака, он был бы давно казнён! Эномото, как мне помнится, отбыл в тюрьме три года, и вышел оттуда опять-таки благодаря заступничеству генерала! Тэнно, разумеется, молод и неопытен. И к тому же пьёт слишком много франкского вина, а напившись, только и делает, что гоняется с расстёгнутыми штанами за фрейлинами. Однако даже такой легкомысленный мальчишка вполне способен сообразить, что вчерашнего мятежника и государственного преступника лучше держать подальше от столицы – вот его и отправили на Эдзо, управляющим этой далёкой провинции. Нет, вряд ли у нашего императора достанет ума послать Эномото представлять интересы Японии у варваров!

Помолчав, Сайго бросил на гостей испытующий взгляд:

– Разумеется, я помню, Окуба-сан, что, уведя практически всю эскадру на Эдзо и захватив остров, Эномото, как и подобает преданному вассалу клана Токугавы, почтительно предложил ему и этот остров, и его семитысячный гарнизон. А Токугава, разумеется, отказался – но не из великого почтения к мальчишке-полукровке, как вы понимаете! Затея Эномото была изначально безнадёжной. У Эдзо, как независимой территории, просто не было будущего. Да, мне по душе такие люди, как Эномото – за его верность. Но как моя рекомендация будет расценена в Токио? Во дворце сразу начнут шушукаться о том, что Сайго сошёл с ума, раз просит за человека из враждебного клана! Или, наоборот: станут гадать – какие тайные замыслы у меня в голове? И откажут мне только потому, что почуют подвох! насколько мне известно, на должность посла в Россию намечено назначить советника Саву Набуеси...

Сасаки Такаюки бросил на министра финансов быстрый взгляд и подался вперёд, выражая готовность внести в трудный разговор и свою лепту. Окуба еле заметно кивнул, и Сасаки быстро и убеждённо заговорил:

– Инициатива назначить послом Эномото будет исходить от генерала Курода, и этому никто не удивится. Все знают, что именно Курода, разгромив гарнизон под предводительством Эномото, попросил императора помиловать бунтовщика. А позже, по ходатайству Курода, тот вышел из тюрьмы и получил пост управляющего на Эдзо. Никто не увидит ничего странного и в том, что старик, питающий к Эномото поистине отеческие чувства, попросит за него в третий раз. А вы, высокородный Сайго-сан, проявите государственную мудрость, поддержав своего старого друга генерала Курода: ведь этот Эномото, как уже

было сказано, нынче один из самых образованных японцев! Что же касается Савы Набуеси, то он очень болен. И не сможет поехать в Россию.

Военный министр задумчиво кивнул, но вертикальная морщинка между его бровей пока не разгладилась. Едва удостоив Сасаки мимолётного взгляда, он обратился подчёркнуто к финансисту:

– А мы не забываем о самих оросах, Окуба-сан? Допустим, меня и генерала Курода услышат во дворце. Но ведь правительство оросов никогда не согласится вести переговоры государственного значения через посредство мятежника и государственного преступника, чудом сохранившего голову на плечах!

– Что касается оросов, то они, как и прочие иностранные варвары в нашей стране, ничего не знают о прошлом Эномото! Я специально наводил справки, Сайго-сан: нынче в Японии нет ни одного иностранного дипломата, который был бы свидетелем мятежа Эномото! А также последующих событий разгрома мятежников, императорского суда и заточения Эномото в тюрьму. И выпущен он был оттуда без всякого шума: в огласке помилования бунтовщика не был заинтересован ни император, ни генерал Курода, ни сам Эномото. Он тут же уехал на Эдзо, и в столице с тех пор не появлялся. Дипломатический представитель России Бюцов-сан прибыл в Японию через два года после событий, о которых вы упоминаете. В это время Эномото сидел в Токийской тюрьме.

– У нас в стране очень мало оросов! – задумчиво кивнул Сайго Такамори. – Во всяком случае, по сравнению с другими варварами – франками, англичанами и немцами. Насколько мне известно, почти никто из них не знает японского языка, наших обычаев и нравов. К тому же оросам запрещено посещать частные японские дома и водить знакомство с местным населением.

– Желание оросов как можно скорее решить пограничный вопрос с Японией столь велико, что вряд ли они будут копаться в прошлом назначенного императором посланника, Сайго-сан! Их царь и правительство будут готовы принять посланника Страны восходящего солнца с верительными грамотами и печатями нашего императора, кого бы наш император ни назвал!

– Но если прошлое Эномото всё-таки всплывёт, это будет позор для Японии!

– Не для Японии, Сайго-сан! – Окуба Тосимити наклонился вперёд и впился глазами в лицо военного министра. – Не для Японии! Это станет позором для императора Мэйдзи и страшным оскорблением для царя оросов! В этом и состоит наш план, Сайго-сан!

Щёточка густых усов военного министра дрогнула: он позволил себе чуть заметно усмехнуться:

– Ах вот как... Мы посылаем с важной миссией в Россию помилованного мятежника, а в разгар переговоров русский император узнаёт, что принял верительные грамоты с подписью Мацухито из рук государственного преступника. Забавно. И как же, по вашему, поступит в таком случае русский император?

– Он неминуемо сочтёт себя и весь царствующий дом оскорблённым, Сайго-сан. Посланник, скорее всего, попадёт в русскую тюрьму и, может быть, его даже казнят за оскорбление царствующего дома. Ну а сами переговоры по Северному Эдзо неминуемо будут сорваны, вопрос будет снят на много лет, а Япония тем временем продолжит колонизацию острова. Возможно, даже с помощью заклятых врагов оросов, англичан. Что же касается Мацухито, то...

– Понимаю. Наш глупый мальчишка-император в результате разразившегося международного скандала потеряет лицо и будет дискредитирован перед всеми европейскими правительствами. И мы можем воспользоваться этими событиями.

– Вы схватываете всё на лету, высокородный! – Окуба Тосимити снова привстал и поклонился.

– Что ж, замысел действительно неплох, – кивнул военный министр, глядя поверх голов своих гостей. – Остаётся убедить в необходимости такого назначения нашего императора. Он знает о тяжкой болезни советника Савы?

– Разумеется. Он очень скоро умрёт, если уже не умер. Мы не сомневаемся Сайго-сан, что император прислушается к вашему мнению. Эномото, повторю, действительно один из самых образованных японцев. И ваш голос в поддержку идеи генерала Курода Киётака непременно сыграет свою роль. Во всяком случае, всё будет выглядеть именно так!

– Курода посвящён в ваши планы?

– Разумеется, нет, высокородный! Ему осторожно подскажут эту идею. Он сочтёт, что новое высокое назначение вернёт Эномото окончательное доверие и благорасположение нашего императора.

– Что ж... Давайте завершим нашу трапезу, не отвлекаясь более ни на что. Потом вы отдохнёте, а вечером я вам дам свой окончательный ответ...

* * *

Русский консул и поверенный в делах Кирилл Васильевич Струве, сменивший в Японии в январе 1874 года прежнего посланника Бюцова, получил от министра иностранных дел Российской империи Горчакова самые недвусмысленные указания: ни в коем случае не вмешиваться во внутренние дела Японии и постараться как можно скорее добиться полного доверия японского правительства. В Токио действительный статский советник и гофмейстер прибыл с полномочиями возобновить переговоры по Сахалину и сразу же озвучил русскую позицию по этому вопросу. Разграничение острова и сухопутная граница «поперёк» Сахалина не сможет предотвратить участившиеся конфликты между японскими и русскими колонистами. Сразу отверг Струве и японскую идею морской границы по Татарскому проливу – как ущемляющую интересы России в плане выхода русского флота в Тихий океан и защиты русских дальневосточных окраин.

Консул был готов к новому витку затягивания, однако буквально на второй встрече с японским министром внешних связей был весьма ошарашен неожиданным заявлением о намерении Японии продолжить переговоры. Но не здесь, а в... Санкт-Петербурге.

– Соседство наших держав диктует необходимость установления дипломатических отношений на постоянной основе. Мы намерены предложить вашему правительству обменяться посольствами в самое ближайшее время. А вопрос по Северному Эдзо, или, по-вашему, Сахалину, пусть будет первым в дипломатическом диалоге наших стран.

Об этой японской инициативе был немедленно извещён Горчаков. Возразить против такого предложения было нечего, хотя многомудрый канцлер немедленно просчитал «подстрочный» текст этой новой инициативы.

– Желание направить в Россию Чрезвычайного и Полномочного Посла Японии можно только приветствовать, ваше величество! – докладывал министр иностранных дел Александру Второму. – Однако, перенося переговоры по Сахалину в столь далёкий от них Петербург, японцы, без сомнения, рассчитывают на дальнейшее затягивание этого вопроса. Судите сами, ваше величество: вряд ли японские дипломаты согласятся обмениваться секретными телеграфными депешами со своим правительством по проводу, проложенному по российской территории. А письма с нарочными – два-три месяца в один конец...

– Твою озабоченность я понимаю, светлейший, – Александр поощрительно улыбнулся стареющему любимцу. – Да что тут ещё поделать? Не отказываться же от установления полноценных дипломатических отношений.

– Оно так, ваше величество...

– Не переживай, Александр Михайлович! Я не сомневаюсь: здесь, в Петербурге, ты сумеешь взять японского посла в такой оборот, что все пограничные вопросы на наших восточных рубежах будут решены к полному нашему удовлетворению. Вспомни русскую поговорку, светлейший: в своём доме и стены помогают! Кстати: Струве не сообщает о кандидатуре японского посланника?

– На сей счёт ничего не известно, ваше величество. Кирилл Васильевич Струве предполагает, что имя Чрезвычайного и Полномочного Посла Японии в России ему назовёт микадо. Высочайшая аудиенция уже назначена.

– Ну а как ты сам полагаешь, князь?

– Не знаю, что и сказать, ваше величество! Из прежних докладов и донесений наших агентов и посланников в Японии можно сделать вывод о том, что с дипломатическими кадрами у них скверно. Страна долго жила в условиях самоизоляции: сами никуда не ездили и чужестранцев не жаловали. Японцев с европейским образованием вообще по пальцам пересчитать можно – причём, ваше величество, на сие достаточно будет, полагаю, и одной руки. Да и тех, кто

вообще бывал в Европе, немногим больше. Преимущественно моряки – этим, скрепя сердце, разрешали покидать страну.

– Значит, могут назначить к нам кого-то из европейских посольств, – задумчиво кивнул Александр. – Перевести, скажем, со вторых ролей на первую!

– У них и в европейских державах с посольствами и консульскими учреждениями негусто, ваше величество. Англия, Франция, Голландия, Пруссия, Португалия – вот, пожалуй, и всё!

– Не приведи господи, из лондонского посольства кого перебросят, – император тяжело вздохнул. – Уж там-то перед назначением англичане проинструктируют и обработают его так, что волками взвоем тут...

– Поживём – увидим, ваше величество! – Горчаков, по-старчески хрустнув коленными суставами, тяжело поднялся с кресла и поклонился. – А засим, государь, прошу отпустить душу на покаяние. И так вне вашего расписания к вам напросился.

– Не кокетничай, светлейший! – засмеялся Александр.

– Ты же знаешь, что я всегда рад тебя видеть!

* * *

Струве, как и предписывал этикет поведения перед лицом божественного императора Мэйдзи, не поднимал глаз на застывшую в неподвижности в кресле фигуру. Что не помешало ему, получив из рук государственного министра Главной палаты правительства Японии свиток с тяжёлыми печатями на витых шнурах, отрицательно покачать головой:

– Ваше императорское величество! От имени моего императора выражаю вам глубокую признательность за быстрое решение вопроса о кандидатуре Чрезвычайного и Полномочного Посла Японии в России. Однако, ни в коей мере не сомневаясь в выборе его императорского величества, всё же позволю себе заметить, что его императорское величество Александр Второй вряд ли сочтёт возможным для себя принять верительные грамоты посла из рук простого

капитана первого ранга военно-морских сил Японии. Этикет царствующего дома Романовых требует более высокого чина для посланника.

Мацухито по-прежнему молчал, и вместо него вновь заговорил государственный министр:

– Господин посланник, я уже сообщил вам о том, что в Табеле о рангах военно-морских сил Японии чин капитана первого ранга является наивысшим!

– Весьма сожалею, господин государственный министр Главной палаты. Позволю себе высказать убеждение, что нынешняя очевидная недостаточность Табеля о рангах, упомянутого вами, наверняка продиктована молодым возрастом военно-морских сил Японии. До сей поры у вашей страны не было нужды в адмиралах и генералах. Однако поверьте, господин государственный министр, что Японии, уверенно входящей в новую эру своей истории, не сегодня-завтра потребуются пересмотр этого Табеля. Что же касается моего монарха, то я вынужден настаивать на соблюдении его чести, а также на требованиях этикета, принятого при дворе его императорского величества.

– Похоже, мы упёрлись в неразрешимую проблему, господин посланник! – государственный министр заметно побагровел от наглости этого северного варвара и, казалось, лишь усилием воли сдерживал гнев. – Ваша аудиенция закончена, господин посланник!

Отвесив поклон, посланник, не поворачиваясь к императору спиной, сделал несколько шагов назад, чтобы на краю невысокого помоста, ещё раз поклонившись, развернуться и уйти прочь.

В этот момент, пребывавшая в неподвижности фигура императора Мэйдзи шевельнулась, и государственный министр, уловив это движение, поспешно повернулся к микадо всем телом.

– Ну почему же неразрешимую, господин государственный министр? – голос императора, которому нынче исполнилось всего 22 года, был до сих пор по-юношески ломок, а тон несколько смущён. – Посланник великой России, мне кажется, прав. Рано или поздно нам придётся подумать о том, что Японии нужны и адмиралы, и генералы. Почему бы нам не решить эту проблему сейчас, в преддверии решения более важных и насущных проблем, стоящих перед

страной?

– Но, Сумера Микото[8 - Божественный ветер – одно из почтительных обращений к японскому императору.]....

Император встал, сделал несколько шагов вперёд, и, взявшись обеими руками за рукоять меча у пояса, слегка наклонил голову в сторону посланника.

– Сейчас вы можете идти, господин посланник! Однако заверяю вас, что мы подумаем над вашими словами. Вы получите исчерпывающий ответ не позднее завтрашнего дня!

В полдень следующего дня русский консул и поверенный в делах был вновь вызван во дворец, где ему, уже в отсутствии императора, было вручено именное повеление микадо о присвоении Чрезвычайному и Полномочному Послу Японии Эномото Такэаки чина вице-адмирала военно-морских сил Японии.

Уже в коляске, отъезжая от дворца, Струве слегка дотронулся полученным от императора свитком пергамента до колена, сидящего напротив секретаря:

– А что, Иван Никодимыч, тебе так ничего и не удалось узнать об этой персоне? Как его – Эно-мо-то Та-кэа-ки, – по складам прочёл французский перевод императорского указа посланник. – При дворе его величества микадо такового вроде не значится...

– А чёрт бы этих япошек разбирал, ваше высокопревосходительство! – со злобинкой тут же отозвался секретарь. – Простите, конечно, на худом слове. Второй день бьюсь – да почти без толку! Происхождения Эномото, конечно, самого благородного, из здешних дворян – по-ихнему самураев. До нынешнего назначения был управляющим целого острова на севере Японии, Эдзо – они теперь называют его Хоккайдо. В молодости был первым в выпуске здешней Голландской школы мореходов, потом шесть лет изучал в Европе разные науки. В Японию вернулся дублёром голландского капитана на борту построенного там парохода, получил чин капитана первого ранга и должность товарища министра военно-морского флота в прежнем правительстве Бакуфу. А в новом правительстве – управляющий островом. Губернатор, ежели по-нашему, по-российски рассудить...

– Из товарищей министра да в губернаторы самого отдалённого острова? Хм... Это, Иван Никодимыч, больше похоже на почётную ссылку, – заметил консул и поверенный в делах, постукивая свитком по кончику своего носа. – Впрочем, при смене правительств такое чаще всего и происходит. А что говорят о нём наши друзья-голландцы?

– Те тоже ничего не знают, – вздохнул секретарь. – После падения правительства Бакуфу и реставрации императорской власти прежние голландцы из Японии съехали. Стали, как вы изволите выражаться, здесь «персонами нон грата» – поскольку помогали ихнему сёгуну. А которые вновь понаехали – те ничего не знают.

– Ну, да и бог с ним, с этим Эномото! – махнул рукой посланник. – Как-никак, вице-адмирал новоиспечённый... Авось теперь уж министр двора его императорского величества, граф Адлерберг не станет носом крутить! Но ты, Иван Никодимыч, всё ж поузнавай, поразнюживай насчёт личности этого посланника!

* * *

Через четыре дня после объявления русскому посланнику имени будущего Чрезвычайного и Полномочного Посла Японии правительственный гонец высадился на берег Хоккайдо и потребовал у смотрителя порта быструю лошадь и провожатого до резиденции правителя острова. Согнувшись пополам при виде короткого бронзового жезла с вензелем императора, смотритель немедленно выполнил распоряжение посланца.

Уполномоченному Эномото Такэаки гонец передал два свитка, один из которых был опечатан личной яшмовой печатью императора Мэйзди, а второй нёс на себе оттиск фамильного перстня члена кабинета министров правительства, генерала Куроды Киётака.

В императорском свитке сообщалось, что милостью императора Мэйзди уполномоченному Эномото Такэаки возвращался воинский чин капитана первого ранга. Ему было приказано немедленно прибыть во дворец для получения нового назначения. Курода в своём послании столь же немедленно призывал Эномото явиться к нему для важного разговора – причём прежде, чем ко дворцу императора.

Не прошло и часа, как Эномото, наскоро оставив распоряжения своему ближайшему помощнику – он полагал, что его отсутствие продлится не более недели, максимум двух, – отправился в новую столицу Японии, Токио. Он ещё не знал, что Токио – лишь отправная точка его нового пути через полмира. И что его разлука с Японией продлится долгих четыре года, и что никогда более он не вернётся на поросшие травой холмы острова Эдзо-Хоккайдо.

Генерал Курода жил, что называется, на два дома – в столице и на Хоккайдо, вверенном его заботам и попечению. По линии кабинета министров он занимался заселением острова, освоением его природных богатств. Своего бывшего противника на поле боя, а впоследствии протеже и правую руку Курода Киётака принял в своей столичной резиденции, и тут же предложил Эномото прогуляться по аллеям обширного сада, обнесённого высоким каменным забором.

Мужчины не спеша шли по засыпанным белым ракушечником дорожкам, ещё хранящим сырость и холод минувшей зимы. Время цветения сакуры ещё не пришло – лишь набухшие почки на чёрных ветвях обещали скорое пышное торжество природы. Эномото в традиционном скромном наряде самураев – только без мечей у пояса – с ненавязчивым любопытством поглядывал на начальника, одетого в новом для Японии стиле – в партикулярную европейскую одежду.

Здесь, в саду Курода, и сообщил Эномото новость о великой милости императора – назначении его Чрезвычайным и Полномочным Послом в Российскую империю. Второй новостью было то, что вместе с назначением Эномото получал невиданный доселе в стране чин вице-адмирала военно-морских сил Японии.

– Знает ли император о том, что среди множества европейских наук, постигнутых мною в Голландии, не было искусства дипломатии, сансей? – почтительно осведомился у высокопоставленного собеседника Эномото.

– У вас светлая голова, Эномото-сан. Светлая голова и кровь ваших благородных предков в жилах – это сочетание поможет вам преодолеть все трудности на вашем новом пути.

– Я буду стараться оправдать ваше доверие, сансей! Ведь именно вы, полагаю, назвали императору моё имя?

Курода Киётака покачал головой:

– Ваше имя назвали императору другие люди. Я лишь присоединил к ним и свой голос.

– Могу ли я поинтересоваться, досточтимый Курода-сан, кто были эти другие люди?

– Предложение назначить вас послом исходило, я слышал, от военного министра Сайго Такамори, а также от Окубо Тосимити.

Ничем не выдав своего недоумения, новоиспечённый дипломат поклонился, благодаря старого воина за откровенность. Оба высокородных аристократа, названные Куродой, были злейшими врагами сёгуна Токугавы, ради которого он, Эномото, и поднял вооружённый мятеж против императора. С чего бы им оказывать великую честь и доверие тому, кто вполне мог сломать их собственные судьбы?

Словно прочитав мысли Эномото, Курода ободряюще улыбнулся:

– Весна приходит и после злых зимних морозов, Эномото-сан! Вы должны гордиться тем, что даже враги отдают должное знаниям, полученным вами в Европе. Да и я, по чести говоря, не знаю в Японии человека более образованного, чем вы. Образованного и готового отправиться с труднейшей миссией в Россию.

– Благодарю вас за оказанную мне честь, сансей!

– Теперь вам надлежит отправиться во Дворец императора, где государственный министр Главной палаты вручит вам верительные грамоты для передачи русскому царю. А после возвращайтесь, я сведу вас с министром внешних связей: он даст вам исчерпывающие инструкции для переговоров с русскими. Позже вы познакомитесь с переводчиком и ещё с одним человеком, который отправится вместе с вами в Россию.

– Этот переводчик, конечно, хорошо знает русский язык?

– Наверняка знает, – пожал плечами Курода. – Насколько мне известно, лейтенант флота Уратаро Сига изучал этот язык во время стажировки на русских кораблях, которые периодически наносят в наши воды визиты вежливости и обозначают здесь военное присутствие и интересы России.

– Если вы помните, сансей, я свободно изъясняюсь на немецком, фламандском и французском языках, – помолчав, осторожно заметил Эномото. – А в России, насколько мне известно, французский язык едва ли не второй государственный.

– Тем не менее это приказ, Эномото-сан! Вы отправляетесь с переводчиком Уратаро. А приказы, как вам известно, не обсуждаются, а выполняются.

– Можете не сомневаться в моей преданности, сансей! – Эномото глубоко поклонился собеседнику, и, помедлив, продолжил. – Особенно если это ваш приказ...

– Приказ о назначении лейтенанта Уратаро Сига тоже отдал не я, – покачал головой Курода. – Тоже самое могу сказать и о секретаре посольства, лейтенанте Асикага Томео. Вот он русского языка не знает, это я знаю доподлинно. Но высокому начальству, как говорится, виднее! Да и какая, в сущности, разница?

– Вы правы, сансей: никакой разницы! – ровным голосом, не выдавая волнения, ответил Эномото.

Ему было о чём поразмышлять. Нежданная милость императора, да ещё с подачи старого врага клана, Сайго Такамори. И неизвестно откуда взявшийся секретарь посольства, который толком не знает языка страны, куда они направляются – причём приказ о его назначении тоже, скорее всего, отдал Сайго Такамори либо его ближайшие приспешники в Европу...

* * *

Реакция японского правительства на решение императора о начале переговоров с Россией и назначении Чрезвычайного и Полномочного Посла была довольно вялой. Гораздо большее оживление вызвала неожиданная проблема с мундиром первого в истории Японии вице-адмирала. Министры, словно сговорившись,

сотворили из этой проблемы то, что более легкомысленная Европа назвала бы балаганом. Один за другим на заседаниях правительства представлялись эскизы обмундировки будущего посла – причём всякий раз большинством голосов представленные проекты благополучно проваливались. В столице возник необычайный спрос на художников и портных, от которых требовалось изобрести достойный Японии мундир её первого вице-адмирала.

Оживлённую дискуссию и перепалки по этому поводу прервало только категорическое заявление капитана итальянского коммерческого судна, на котором посол должен был отправиться в Европу.

Это было последнее судно, отправившись на котором до сезона штормов посол мог попасть в Россию в оговорённый срок. Не слишком считаясь с традициями и обычаями Японии, капитан-итальянец заявил, что судно выходит из Иокогамы 10 марта – с послом или без него.

Против обыкновения, капитану не пригрозили последующим «отлучением» от стоянки в японских портах. Более того, с его доводами согласились и даже поблагодарили за «содействие» в решении вопроса, имеющего принципиальную позицию для Японии. 10 марта 1874 года Чрезвычайный и Полномочный Посол и двое его сопровождающих заняли предназначенные им каюты на коммерческом судне и отбыли из Японии. Правительство же, словно позабыв о каждодневно декларируемым им же принципе экономии, приняло решение о доработке эскизов мундира и последующей их посылке вслед за послом на самом быстром в стране военном клипе.

Глава вторая

Ветер с Неаполитанского залива беспрепятственно проникал в покои генерального консула, но тут же запутывался в тяжёлых шторах, пытался надуть их пузырьём, прорывался в анфиладу комнат через неплотно прикрытые двери, окна, и по-над полом. Вместе с ветром с улицы в консульство проникал обычный уличный шум и пронзительные голоса бродячих торговцев, бесконечные перебранки местных обитателей, визг и громкий смех окрестной ребятни.

Эта шумная неаполитанская «симфония», ненадолго стихавшая на несколько часов лишь за полночь, за два года пребывания Спиридона Ивановича Дендрино на посту штатного генерального консула в Итальянском королевстве, стала ему привычной и ничуть не мешала ни работе, ни сну. Скорее уж наоборот: частенько Спиридон Иванович ловил себя на том, что тревожно просыпается от тишины, воцаряющейся в квартале обычно в предрассветные часы.

7 мая 1874 года он проснулся в обычное время – большие напольные часы в корпусе красного дерева прохрипели-отзвонили четверть восьмого утра.

Вставать нынче генеральному консулу не хотелось: накануне почти до часу пополудни он провёл в голландском посольстве на приёме, устроенном в честь рождения очередного члена королевского дома. Спиридону Ивановичу до смерти надоела эта бесконечная череда приёмов – то чужих, то своих, устраиваемых по протоколу – однако деваться было некуда: служба такая! Слава те господи, что резиденция голландского посланника было совсем рядом, неспешным шагом минут десять ходу. Так что, улизнувши при первой возможности от голландцев, Дендрино быстренько добрался до консульства и добрую пару часов посвятил работе над вечерней почтой, прибывшей из России.

Почта была, как обычно, весьма обильной. Помимо циркуляров и указаний родного начальства, в том числе от Горчакова, в ней содержалась уйма бумаг из римской канцелярии русского посланника, а также требований, прошений и доношений от прочих департаментов, министерств, учреждений как итальянских, так и из далёкой России. Хватало хлопот и с местными делами: то русские моряки подерутся в порту с местными забулдыгами или полицией, то очередной купчина окажется после весёлой ночи без бумаг, удостоверяющих его личность. Более осторожные в дамском вопросе русские негоцианты часто попадали под завораживающее «пение» местных мошенников, и тогда бежали к консулу со слезливыми жалобами и просьбами дать хоть на обратную дорогу.

В общем, жизнь у консула скучной никак нельзя было назвать. Настолько нельзя, что иной раз Спиридон Иванович, сорокапятилетний мужчина, ощущал себя глубоким старцем, которому в жизни ничего, кроме покоя, да долгих неспешных размышлений о бренности всего на свете, не мило.

Вот и сегодня, проснувшись в привычное время, он вдруг ощутил непреодолимое желание опять зарыться в простыни и попытаться уснуть часика на два-три – с тем, чтобы проснувшись, более никогда не сыскать на обширном консульском

столе неразобранных бумаг и ждущих немедленного ответа писем и требований.

Увы: чудес на свете не бывает – особенно таких, на казённой ниве. Никуда проклятые бумаги со стола не исчезнут, разве что число их увеличится.

А тут и за дверями спальни раздался привычный грохот, тут же сменившейся визгливой тараторью перебранки на два голоса – мужского и женского. Спиридон Иванович вздохнул, со злостью обшарил глазами тумбочку – чем бы швырнуть в дверь, а лучше в бедовую головёнку прислужника из местных? Кинул портсигар, но в дверь не попал, портсигар мягко ударился в тяжёлую штору и почти беззвучно скользнул на паркет.

Перебранка за дверью затихла, удаляясь. Потом снова что-то грохнуло, и в спальню просунулась лохматая шевелюра прислужника Серджио.

– Доброе утро, сеньор! – как ни в чём ни бывало улыбнулся во весь щербатый рот Серджио, показывая объёмистый кувшин. – Сеньору пора вставать и умываться, я принёс воды!

Прислужник был откуда-то с севера Италии, и его трескучий диалект консул понимал иногда с трудом.

– «Воды принёс!» – передразнил Спиридон Иванович, садясь в постели. – А я-то подумал, что в доме целый конский обоз стукотит... Тебе, сын своей итальянской мамы, сколько раз говорить, чтобы по утрам поаккуратнее был? Что там опять разбилось?

– Конский обоз? Что вы, сеньор! Откуда в приличном доме возьмутся кони? – захлопал глазами Серджио. – Это только южане держат в своих хижинах ослов, чтобы их не украли соседи. Да и то сказать – не в таком большом городе, как Неаполь, а в своих горных деревнях...

– Помолчи! Что там, за дверью, разбилось опять, спрашиваю?

– Ничего, сеньор! Почти ничего, клянусь! Просто Луиза, ваша горничная, начала уборку и порасставляла везде свои проклятые тазы! Одного я не заметил и наступил в него. И зачем вы держите эту пустоголовую Луизу, сеньор? От неё

только шум и суета в приличном доме!

Неумолчно тараторя, слуга мыкался по спальне, пытаясь одновременно удержать в руках кувшин с водой, фаянсовую лохань для умывания и низкий пуфик.

Сейчас что-нибудь уронит. Спиридон Иванович, в ожидании неизбежного, втянул голову в плечи. Так и есть – фаянсовая лохань выскользнула из-под руки гореприслужника и разлетелась тысячью мелких осколков. На шум из коридора тут же явилась горничная, и, уперев руки в бока, разразилась длинной язвительной тирадой в адрес всех северян-неумех вообще и дуралея Серджио в частности.

Консул потянул на себя простыню и со стоном зарылся лицом в подушку. Сколько раз говорить этой бестолочи, чтобы не смела заходить в спальню, пока сеньор не оденется и сам не позовёт её!

– Серджио! – глухо, через подушку, закричал консул. – Серджио, негодяй! Луиза! Порко мадонна! Если через пять минут в спальне не будет убрано, а я не смогу умыться, выгоню всех слуг к чёртовой матери! И замолчите, ради бога! Молча! Молча убирайте!

Несмотря на всю эту суету и шум, к девяти с половиной часам утра консулу удалось не только привести себя в порядок, но и разобрать всю вчерашнюю почту. Заложив в бювар последний циркуляр, Спиридон Иванович Дендрино откинулся на резную спинку неудобного деревянного кресла и от души расхохотался. Нет, что ни говори, а в его итальянской службе была какая-то изюминка! Некий перчик – да разве сравнить со службой где-нибудь в скучной российской канцелярии! Шумно, суетно – зато жизнь чувствуется!

Не удержавшись, он поделился этой мыслью с зашедшим в кабинет с докладом старшим письмоводителем консульства Пирожниковым.

Пётр Евсеич Пирожников служил в заграничном учреждении пятый год, и службою своей был премного доволен. Ежегодно, в день именинницы Евдокии, свояченицы, выхлопотавшей ему сие место, он не забывал заказывать о её здравии молебен в местном православном приходе.

Должность старшего письмоводителя при консульстве в Неаполе была хоть порой и суетливой, но не лишённой приятности во всех отношениях. Шестьсот рубликов годового жалования, треть которого выплачивалась швейцарскими франками и не подлежала обязательному налогообложению, пятнадцать дней оплачиваемого казною ежегодного отпуска с компенсацией проездных сумм до любого указанного в рапорте города в России, либо в Европе, выплата лечебных пособий. Кроме того, в ежемесячном табеле на выплаты было несколько приятных всякому рачительному человеку пунктов, вроде непредвиденных трат на писчебумажные и почтовые расходы, оплата извозчицких и курьерских, и, конечно, самый приятный и весьма «гуттаперчевый» пункт «представительских» трат.

Не нахальничай, блюди разумную меру, не разевай алчно рот на всё подряд – и артельщик-кассир посольства, не слишком вдаваясь в детали, аккуратно выплатит пятого числа каждого календарного месяца всё, что подпишет к выплате генеральный консул Дендрино.

А уж про то, что служба в любом заграничном российском учреждении была гораздо либеральнее и проще для души, чем в чопорном и ревнивом к чиновничеству Петербурге, и говорить не приходилось! По неписанной мидовской традиции, штат всякого заграничного учреждения почитался некоей семьёй – с главою, разумеется, – но главою непременно либеральной, просвещённой и далёкой от старорежимных деспотических замашек.

Нет, бывали, конечно, и исключения в виде своих доморощенных самодуров-«отцов», нервической атмосферы всеобщего подсиживания, доносительства и «семейных иуд-доносителей». Такие учреждения были на слуху, тамошние вакансии заполнялись трудно и долго, а коэффициент полезности нехороших мест столь низок, что высокое петербургское начальство, как правило, довольно быстро обращало на сие непотребство своё снисходительное внимание и принимало исчерпывающие меры к исправлению ситуации.

Хвала Господу, генеральное консульство в Неаполе никогда не отличалось по этой линии! Оттого и весь его невеликий штатный персонал прилагал все усилия к тому, чтобы так продолжалось как можно дольше.

Вот и нынче, выслушав не слишком новое и совсем не оригинальное высказывание «папы Дендрино», старший письмоводитель Пётр Евсеич Пирожников солидно, без панибратских понимающих ухмылок кивнул, и,

помедлив самую малость, коротко взглянув на «папу», присел у приставного стола в кабинете консула. Вслед за этим он водрузил на полированную поверхность и аккуратно выровнял перед собой принесённые папки разных цветов.

– О чём речь, Спиридон Иваныч! Ежедневно молитвы кладу Господу нашему, что сподобил меня на службу за рубежами благословенной нашей Руси!..

Чиновный этикет непременно полагал бы после сего обязательную славословицу в адрес начальника самого учреждения. Типа: «...да, под вашим многомудрым и отеческим покровительством, ва-ше высокопревосходительство!» Однако такой моветон в адрес генерального консула был совершенно неуместным? и оттого остался неозвученным.

– Ну, что там у нас нынче, Пётр Евсеич?

– Все обычное, ничего сверхординарного, Спиридон Иваныч! – письмоводитель ловко разложил перед консулом десятка полтора перебеленных штатным писарем писем – русскому посланнику в Риме, начальникам департаментов МИДа в Санкт-Петербурге.

Пробежав глазами ровные строчки стандартных ответов, генеральный консул поставил на каждой бумаге размашистую подпись и выжидательно поглядел на Пирожникова:

– Всё, что ли?

– Никак нет, Спиридон Иванович! – письмоводитель достал из последней папки два листа, один пододвинул консулу, второй придержал перед собой. – Изволите ли видеть, Спиридон Иваныч, это последняя телеграфная депеша от русского консула из Порт-Саида. Насчёт прохода каналом итальянского коммерческого корабля «Сирена», на коем плывёт назначенный микадо Чрезвычайный и Полномочный японский посланник. Как вы должны помнить, его сиятельство светлейший князь Горчаков весьма обеспокоен сроком прибытия этого японца в Петербурге. И предвидит немалые хлопоты с возможным изменением августейшего расписания дел нашего государя. Министр Двора его императорского величества граф Адлерберг извещает, что государь, пребывающий нынче в Европе, намерен пробыть там до конца мая. Но японский

посланник, скорее всего, прибудет в Петербург раньше...

– С чего ты взял, что непременно раньше, Пётр Евсеич? – консул пробежал глазами депешу. – Из Порт-Саида корабль вышел третьего дня, стало быть, к нам прибудет либо сегодня к вечеру, либо, скорее всего, завтра. Недельку положим на отдых посланника – почти два месяца в море, не шутка! И дён восемь-десять на сухопутное путешествие отсюда до Петербурга – через Австрию, Швейцарию, Берлин. Ну-ка, посчитай, Пётр Евсеич! Аккурат к концу мая и прибудет посланник в нашу столицу богоявленную!

– Не знаю, не знаю, Спиридон Иваныч! – в сомнении покрутил головой письмоводитель. – Вы на наш с вами аршин сего японца изволите мерить, на сухопутный. А ведь он вице-адмирал, к морю привычен, ему полтора-два месяца качки да болтанки на волнах – тьфу! Это я бы, Спиридон Иваныч, после такого плавания на четвереньках с корабля сполз, да с полмесяца в себя приходил.

Генеральный консул ещё раз проглядел депешу, слегка нахмурился:

– Что-то мне твоё настроение не нравится, Пётр Евсеич! Или не всё говоришь, или накручиваешь что-то в головушке своей бедовой, а? И чего ты, к примеру, молчишь о втором японском корабле, что за нашим посланником явно гонится? Только карандашом красным отчёркиваешь нужные места в депешах? Кайся, грешник!

Выговаривая письмоводителю с показушной суровостью, консул меж тем внутренне подобрался: Дендрино был дипломатом и никогда не забывал об этом. Дипломат – это, прежде всего, подозрительность. Подозрительность и недоверие. Доверчивый и доброжелательный дипломат – нонсенс! Таких не бывает – случаются, конечно – но очень ненадолго. Себя к таковым Спиридон Иванович не относил.

Подозрительность, недоверие, а ещё способность ничему и никогда не удивляться. И в первую очередь – неожиданным порой, как гром с ясного неба, маневрами и поворотами «главнокомандующих» дипломатического ведомства. Впрочем, какая уж тут неожиданность, ежели даже безусым и без всякого опыта новичкам в дипломатии известно, что самый важный элемент в международной политике – личные чувства, симпатии и антипатии монархов!

И ещё каждый дипломат должен быть актёром. Непременно актёром! Спиридон Иванович Дендрино не видел в этом ничего постыдного – более того, эту роль он исполнял с большим тщанием и даже некоторым удовольствием.

Роль добродушного и снисходительного «папы», главы консульского учреждения, давалась ему легко и без лишних угрызений совести. Ежемесячно подписывая табеля на выплату жалования служащим, он без особых усилий видел практически в каждом из них лёгкие, ненахальные хитрости, дописки, а то и откровенные приписки. Лукавым припискам в пределах разумного он порой дивился, и делал пометки в особой тетрадочке, но служебного хода этим записям не давал – зачем, ежели казною подобные выплаты и расходы предусмотрены? Почему бы им и не иметь места в житейском быту?

Спрашивается – а зачем тогда по каждому пустяку служебные проверки учинять, время и казённую бумагу переводить? Спроси кто у Спиридона Ивановича об этом, он бы, наверное, объяснился так: что до пометок – так ведь жизнь длинная. И судьбы людские непредсказуемы. Сегодня полтора рубля человек припишет, а завтра, уверовав в начальническую слепоту – и на полсотни рот раззявит. Правда, таких алчных мздоимцев генконсулу за время его службы не попадалось – видимо, сказывался всё-таки строжайший кадровый отбор при заполнении служебных вакансий в заграничных учреждениях. Да и место такое терять, разумеется, не хотелось никому.

Да что там финансовый пригляд!

Актёром приходилось быть практически во всех своих служебных ипостасях. Взять, к примеру, тот же итальянский период дипломатической стези Спиридона Ивановича. Казалось бы – повезло! Тихая такая (в смысле международных скандалов пока, тьфу-тьфу) страна, практическое отсутствие здесь вездесущих, разбежавшихся из России по всей Европе доморощенных отечественных революционеров и бомбистов. Не сравнишь с той же Францией, ставшей европейским гнездовьем русского вольнодумства и антиправительственной деятельности.

Да и сами итальянцы – ну, легкомысленный с виду народ! Бесхитростный, лёгкий – а поди-ка! Про то, что Россия не сразу, а только через год после объединения Италии в единое королевство эту державу признало, только ленивый здесь, как оказалось, не помнит! И при итальянском монаршем дворе частенько россиянам сей грех припоминают, и министерские чиновники ядовито щурятся всякий раз,

как с законною просьбою посланник либо консул обратятся. Англичанам да германцам – тем сразу: *prego!* А как до России – непременно палец многозначительно поднимет, скажет: *unna faccia, unna razza*[9 - Одно лицо, одна порода.]. Нет, чтобы другую свою поговорку вспомнить, как её... *Franza o Spagna, purche se magna*[10 - Хоть испанцы, хоть французы – дали б только жрать от пуза (итальянская поговорка).].

Вот и приходится актёрствовать, балансируя, всей мимикой, паузами в разговоре подчёркивать: милый, *bello mio*, да нешто это я такой толстокожий? Служба обязывает, знаете ли! Государь мой повелел повременить, вот я и того... А лично я Италию всегда обожал! Обожал и преклонялся! Боже упаси – не вслух всё это, конечно! Мимика, жесты... Чтобы не оказаться для своих *fessi*, а для итальяшек *furbo*[11 - *Fessi* – недалёкий человек, дурак. *Furbo* – ловкач, умеющий обделявать свои делишки при любом раскладе (итал., жарг.)]. И ведь, скажи-ка на милость, не только одни высокие министерские чины про российское промедление помнят и поминают – дурень Серджио, слуга, и тот консулу как-то попенял этим. Вот и скажи после этого, что *arrangiarsi*[12 - Искусство, умение устроиваться.] дуракам недоступно!

– Так что там с японцем нашим? – повторил свой вопрос консул.

– Да ничего пока! – развёл руками письмоводитель. – Я к тому клоню, что замыслы этого азията нам доселе не ведомы. А что до японского же клипера, который, по сообщению нашего консула в Японии, вполне очевидно за своим же посланником гонится, тут и вовсе ничего угадать заранее невозможно, Спиридон Иваныч! Вот, извольте поглядеть сами депеши: в Коломбо клипер зашёл через неделю после выхода оттуда «Сирены» с посланником. В Порт-Саиде клипер уже всего на сутки с коммерческим судном разминулся. Надо думать, здесь, в Средиземном море, он его непременно догнал. А зачем – один бог знает японский! Может, японский император решил сменить посланника ещё до его прибытия в Россию. Может, инструкции к будущим переговорам решили обновить – непременно узнаем всё, Спиридон Иваныч! Сами извольте говорить: не сегодня-завтра итальянское коммерческое судно ждёт здесь, в Неаполитанском порту. Вот и всё сразу станет ясно...

– Ясно пока, что ничего неясно! – буркнул консул. – И вообще: до Японии ли какой-то нам нынче, когда с Европой да турками разобраться не можем. Впрочем, наше с тобой, Пётр Евсеич, дело петушиное: прокукарекал, а там хоть и не рассветай! Желает светлейший князь Горчаков отследить маршрут японца –

отследим!

– Вот и я про то! – поддакнул письмоводитель.

– Только вот что, Пётр Евсеич: ты к себе когда возвращаться будешь, пригласи-ка ко мне вице-консула Назимова! Сергей Николаевич хоть в наших делах и новичок, а долгое время на Дальнем Востоке плавал, в Японии бывал неоднократно. Может, прояснит как-то ситуацию с этой погоней!

– Слушаюсь, Спиридон Иванович! – поклонился письмоводитель, собирая свои папки и бумаги.

– Да, и вот ещё что, милейший, – голос Дендрино построжел. – Подай-ка сургуч, Пётр Евсеич! Занесёшь сию записку по известному тебе адресу...

Консул быстро набросал несколько строк, помахал бумагой, просушивая чернила, и запечатал в конверт, наложив на клапан личную печать.

– Лично занесёшь! – консул счёл нужным напомнить старшему письмоводителю. – В дверь не звони, всё одно никто не откроет – бросишь письмо в прорезь для почты.

– Понимаю-с! – поклонился Пирожников. Убедившись, что на конверте отсутствует адрес доставки, он счёл уместным уточнить. – Заштатному нашему консулу изволили написать?

– Ему, – коротко завершил разговор консул. – Ступай, не мешкай!

Выпроводив письмоводителя, Дендрино вышел на балкон, затенённый полосатыми маркизами, и закурил сигару. Настроение у него явно испортилось – и было от чего!

Заштатный русский консул в Неаполе звался Георгием Артуровичем Гартманом, и в формуляре консульского персонала числился негоциантом и представителем швейцарского торгового дома с труднопроизносимым названием.

Институт заштатных консулов при российских дипломатических представительствах зарубежом был делом обыденным. Не получая жалованья, заштатные консулы пользовались тем не менее дипломатическим иммунитетом за оказываемые ими российскому флагу «услуги торгового и представительского» свойства. Довольно часто услуги «заштатников» были весьма специфичными и отнюдь не торговыми и представительскими. Истинную сущность этой категории «заштатников» в дипломатических кругах знали лишь консул и посланник в стране пребывания, остальной персонал только догадывался, да держал язык за зубами.

Гартман был агентом Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Числился, как и прочие его коллеги-жандармы, по Военному министерству, но имел при этом прямое подчинение товарищу министра внутренних дел, ведающим политическим сыском в России и за рубежом. Главной задачей Заграничных отделений была, разумеется, политическая составляющая – всемерный пригляд за разбежавшимися по Европе откровенными революционерами и опасно мыслящими субъектами. Однако циркулярами за подписями двух министров – внутренних и иностранных дел – консульской службе и заграничным резидентам охраны предписывалось «взаимопонимание и тесное сотрудничество» по самому широкому кругу вопросов, имеющих для России жизненно важные интересы.

Дендрино знал, что в распоряжении неаполитанского агента, или, правильнее назвать, резидента заграничной охраны имеется несколько рядовых сотрудников наружного наблюдения – в основном из местных. Что Гартман имеет тесные связи с местными же частными сыскными агентствами и бюро. Догадывался консул и о том, что итальянская резидентура занимается не только наружным наблюдением, но и обязательно имеет нескольких специальных агентов для внедрения в интересующий Третье отделение круг лиц и тайных организаций.

Дипломат и резидент охраны близко не сходились, однако время от времени встречались, обменивались различными сведениями и услугами. Именно эти встречи более всего и раздражали Спиридона Ивановича совершенно бессмысленной, на его взгляд, конспиративностью. Вот и нынче, когда пришло время «негоцианту» оказать отечеству небольшую услугу, приходилось действовать в строгом соответствии с инструкциями и наставлениями Гартмана. Протелеграфировать нельзя, даже указать в посланной записке место встречи тоже никак невозможно... Добро бы шла речь о страшном заговоре, либо о

визите инкогнито в Неаполь отечественных монарших особ. Тьфу, пустяк – а попробуй, отступишь от установленных правил!

Время встречи надобно было указывать на два часа позднее истинного. С местом встречи и вовсе смех: указываешь любое, а идёшь в очередное по заранее согласованному с резидентом списку мест randevu. Ну-ка, посмотрим, куда нынче нелёгкая понесёт?

Консул погасил сигару, вернулся в кабинет и достал из сейфа загодя присланный Гартманом список. Последний раз они встречались в здании Торговой биржи – значит, сегодня надо идти в кофейню на Королевской площади. Делать нечего, надо собираться! Консул вздохнул и позвонил в серебряный колокольчик, велел явившемуся Серджио почистить и привести в порядок лёгкий сюртук и к 10 часам сбегать за извозчиком.

– Buongiorno, сеньор! Вы позволите? – Гартман явился в кофейню в заранее оговорённое время, минута в минуту. И, несколько помедлив, подошёл к столику на открытой веранде, где консул допивал уже вторую чашку превосходного кофе.

– Разумеется, присаживайтесь, господин Гартман! – с некоторым раздражением кивнул на соседний стул Дендрино. – Или вы допускаете мысль, что, пригласив вас на встречу, с соблюдением всех ваших правил конспирации, я заявлю, что столик занят?!

– Ну-ну, не сердитесь, добрейший Спиридон Иванович! В такой чудесный день грех сердиться! – резидент опустил на стул, уложил на колени лёгкую трость и щёлкнул пальцами топтавшемуся неподалёку официанту. – Portate una grande di caffè, un bicchiere d’acqua con ghiaccio![13 - Большую чашку, любезнейший!] И стакан воды со льдом! – Люблю, знаете ли, Спиридон Иваныч, кофе по-гречески! Не пробовали?

– Зубы берегу, Георгий Артурович! Мы, по-моему, уже обсуждали сей вопрос – нешто запомнили?

– Ну, не хотите просто, по-дружески поболтать, давайте к делу! – пожал плечами резидент.

Выслушав суть просьбы консула, Гартман снова чуть заметно пожал плечами:

– Проследить за японцем – и только-то? Разумеется, я помогу вам, хотя сия азиатская персона, насколько я понимаю, не политическая?

– Может, и не политическая, – легко согласился Дендрино. – Однако, учитывая настоятельное требование его сиятельства канцлера Горчакова и обеспокоенность министра двора Адлерберга относительно майского расписания государя, пустяковой сия просьба мне не представляется.

– Разумеется! – посерьёзней жандарм. – Что ж, не будем терять времени. Разрешите откланяться – мне необходимо навести некоторые справки ещё до прибытия в порт корабля с японским посланником. Честь имею, Спиридон Иванович! Подробный отчёт вы получите обычным путём-с!

Проводил глазами удаляющегося лёгкой походкой Гартмана, Спиридон Иванович от досады аж сплюнул: ну скажите на милость, стоил ли минутный разговор всех предшествующих ухищрений?! Черкнул бы в утренней записке – так, мол, и так: возьмите японца под наблюдение. А Гартман ответ бы черкнул – и все дела! А теперь тащись обратно в консульство, доставай из несгораемого ящика секретный меморандум о способах передачи письменных сообщений «обычным путём»... Тьфу!

Однако обычным путём не получилось: события последующих двух дней приняли такой оборот, что консул схватился за голову, и, презрев все установленные правила конспирации, данной ему властью, собрал экстренное совещание. На нём присутствовали он сам, вице-консул Назимов и Гартман – последний был представлен Назимову как нагрянувший в Неаполь «ревизор МИДа», ответственный за некие «литерные мероприятия».

– С вашего позволения, господа, я начну наш «военный совет», – попробовал пошутить Дендрино. – Итак, три месяца назад, с соизволения государя и в соответствии с международной практикой, японское правительство от имени своего императора известило Петербург об утверждении кандидатуры Чрезвычайного и Полномочного Посла Японии – некоего Эномото Такэаки. Были подтверждены обоюдные намерения сторон об открытии в Санкт-Петербурге постоянного дипломатического представительства Японии и безотлагательном начале переговоров по острову Сахалин. О посланнике известно: вице-адмирал

военно-морских сил Японии, образование получил европейское, знает французский, немецкий и фламандский языки. Дипломатического опыта не имеет, до назначения послом служил на самом северном японском острове Хоккайдо. Кем служил – неясно. То ли управляющим, то ли помощником министра по развитию северных территорий. Наш консул в Японии господин Струве уверяет, что так и не смог выяснить это обстоятельство – ну, да ему простительно: он в Японии человек новый, а тамошние азиаты – народ, как известно, необычайно скрытный...

Дендрино при последних словах обернулся к вице-консулу Назимову, словно за поддержкой. Тот кивнул, шевельнул окладистой бородой, и консул продолжил:

– С означенным Эномото в Россию следуют переводчик посла, лейтенант японского флота Уратаро Сига и назначенный секретарём посольства в Петербурге Асикага Томео – тоже лейтенант, только уже не флотский. С переводчиком всё вроде ясно, а вот второй лейтенант, как утверждает господин действительный статский советник Струве – тёмная лошадка! Его формулярный список японское министерство внешних связей почему-то не предоставило, лишь сообщило, что господин Асикага до нынешнего назначения служил при штабе военного министра Сайго Такамори. Вчера утром итальянское судно «Сирена» с японскими дипломатами на борту прибыло в Неаполитанский порт, высокие японские гости сошли на берег. Багаж был отправлен в гостиницу «Везувий». Предполагалось, что после кратковременного отдыха японский посланник выедет в Санкт-Петербург через Австрию и Швейцарию.

Консул залпом выпил стакан воды со льдом, промокнул усы платком. Прочие участники «военного совета» хранили молчание.

– Имели ли вы, господин консул, какие-либо указания относительно японского посланника? – возникшую длинную паузу прервал, наконец, Гартман.

– Самые невнятные, если позволительно будет так высказаться! – признался консул. – Япония является совершенной terra incognita на наших дипломатических горизонтах. Да что там дипломатических! Ни обычаев, ни языка никто почти не знает – страна буквально до последних дней была в некоей самоизоляции от всего мира. Из директивы его сиятельства министра Горчакова несомненно только одно: Россия весьма заинтересована в скорейшем открытии японского посольства в России. И, как следствие – в открытии переговоров по острову Сахалину. Мне сообщено также, что живейший и,

осмелюсь предположить, личный интерес к визиту японцев проявляет сам государь. При этом его императорское величество соизволило повелеть, чтобы высокому гостю в трудном пути следования была оказана всемерная помощь и поддержка – возможно более деликатная, не могущая обидеть или оскорбить человека, мало знакомого с европейскими обычаями и нормами поведения.

– Близко не подходить, кланяться издали? – тонко улыбнулся Гартман.

– Почти что так, – вздохнул консул. – Приказано отследить прибытие посла в Неаполь и немедленно донести в Петербург о предполагаемой дате его прибытия в Россию. Ну, это уже для министра двора, его высокопревосходительства графа Адлерберга – для согласования с расписанием его величества. Японцу велено оказывать всемерную помощь только в случае его явного затруднительного положения и личного его обращения за содействием в русское дипломатическое представительство.

– Какие же могут быть затруднения у японского самурая-дворянина, который получил европейское образование и несколько лет жил в Европе? – откашлялся Назимов.

– Вот именно, Сергей Николаевич! – поддержал вице-консула Дендрино. – Но это ещё не все, господа! Через три недели после отплытия господина Эномото из Иокогамы вслед ему по решению японского правительства был спешно снаряжён и отправлен самый быстроходный клипер японского военно-морского флота. Сообщивший об этом консул Струве не смог выяснить причину таких действий. Что же касается нас, то известно, что третьего дня клипер настиг «Сирену» в Средиземном море, корабли легли в дрейф, Эномото перешёл на борт клипера, однако спустя час вернулся на «Сирену» и продолжил путь к итальянским берегам. А военный клипер на всех парусах помчался обратно в сторону Суэцкого канала. Надо полагать, обратно в Японию... Вот и растолкуйте мне, господа, что сие может означать? Хотя вы, Сергей Николаевич! Вы же неоднократно бывали в Японии, знаете о них побольше моего!

Назимов решительно помотал бородой:

– Увольте меня от таких предположений, Спиридон Иваныч! Тем более, применительно к дипломатическим делам! Да, я бывал в Японии, общался с тамошними чиновниками и народонаселением – но ведь я простой моряк! Одно

могу сказать: японцы – чрезвычайно трудный в общении народ...

– Рискну предположить, что посланнику Эномото были переданы какие-то срочные и важные указания, – заявил Гартман. – Настолько срочные и важные, что потребовали этой погони через полмира!

– Ну, насчёт указаний – это очевидно, – хмыкнул Дендрино. – Не кальсоны же запасные посланнику передали, которые тот впопыхах забыл. А посланник-то наш что выкинул, прибывши в Неаполь? Взял да и отправился вместо России во Францию! Может, это и было главной причиной погони? Во Францию, господа! Я, конечно, телеграфной депешей немедленно информировал об этом его сиятельство князя Горчакова. И уже получил сегодня строжайший разнос: как? почему? Из министерства требуют подробностей, объяснений...

– Да уж, действительно! – хмыкнул Гартман.

– Вот и гадай теперь – что сие означает, учитывая наши нынешние более чем прохладные отношения с Францией после откровенной поддержки Россией Пруссии в её войне с Наполеоном Третьим.

– И особенно после победоносного щелчка по носу французикам в виде пересмотра статьи Парижского трактата о нейтрализации Чёрного моря и возвращения России права иметь в нём военный флот! – подхватил, довольно огладив пушистую белоснежную бороду, Назимов.

– Выводы из этого неожиданного разворота японского посланника в Париж его сиятельство делает совершенно логические, – кивнул консул. – Либо Япония ещё до начала дипломатических контактов с Россией намерена ясно показать нам свои профранцузские ориентиры в международной политике, либо эти ориентиры существуют давно, а мы все их проглядели. Такие вот невесёлые наши дела, господа! Теперь ваша очередь, Сергей Николаевич! Вы, по счастью, до назначения вице-консулом в Неаполь, несколько лет крейсировали на своих кораблях в морях Дальнего Востока. И, судя по вашему послужному формуляру, неоднократно бывали в самой Японии. Вам и карты в руки, господин капитан первого ранга! Выручайте!

Назимов несколько смущённо поёрзал в кресле, тронул бороду:

– Господа, я ведь в вашей дипломатии и большой политике пока профан-с! Ну, бывал в Японии многократно – так и задача была поставлена нашему брату-моряку такая: демонстрировать своё военное присутствие в Дальневосточных морях. Что до вице-адмирала Эномото Такэаки, то хоть убейте, господа, не припомню! Бывал, разумеется, с визитами в их военно-морском ведомстве – и с официальными, и с товарищескими, так сказать. И ведь должен был ежели не знать, то слышать! Вот упомянутого вами переводчика по имени Уратаро Сига припоминаю: проходил такой лейтенант практику на моём корабле. Вместе с другими японскими младшими офицерами. Но побей меня Бог, если он отличался по части знания русского языка! Как и все они – с пятое на десятое. А про третьего азията и вовсе ничего знать не могу, коли он при штабе военного министра обретался.

– Хорошо, оставим это! – Дендрино вздохнул. – Но самих япошек-то вы лучше нашего знаете, Сергей Николаевич! Характеры, обычаи, традиции, так сказать... Может, хоть вы нам объясните – что сие может означать: едет японец в Россию с пальмовой ветвью, так сказать, и вдруг на полпути поворачивает, чтобы сделать визит в недружественную нам державу! Ну не сглупа же, прости мя, Господи! Не по скудоумию ведь из Италии не на восток поворачивает, а на запад!

– И тут не знаю, как истолковать сей парадокс, господа! Одно могу сказать твёрдо: у японской нации характер и нрав от европейских, а паче чаяния славянских, отличаются как небо от земли! Терпеливы, законопослушны поболее нашего, российского, – под тем подпишусь двумя руками. Вот поймите нашего крестьянина с ружьишком в барской роще – он ведь и под плетью не признается в браконьерских своих умыслах! А японский простолюдин в такой же ситуации – боже упаси! Он поперву никогда на чужое либо законозапретное не позарится. А уж коли случился грех – так признается сразу, не хитря.

– Очень образно, – кашлянул Гартман. – Хотя как сей пример может нам помочь – ума не приложу!

– И я тоже! – развёл руками вице-консул. – Вы спросили про отличие, я вам и выложил. Военных инструкторов у них в Японии европейских много! Больше всего – голландцев, французов, немцев. Даже обитателей Северо-Американских Соединённых Штатов встречал там... Про тех могу сказать твёрдо: все гнут в Японии свою линию, Россию же всячески оттирают от японских дел. И при каждом удобном случае норовят нас дискредитировать. Вот тот же Сахалин взять, господа: у Европы, да и Америки неблагодарной свои виды на этот остров!

Англичане не только пугают Японию усилением России вблизи их островов. Не только нащёптывают о коварных планах русских вслед за Сахалином захватить Хоккайдо. Они и корабли свои охотно предоставляют для переброски на Сахалин японских колонистов, воинских команд и даже преступников для расселения. Сам свидетелем был!

– Признаться, я тут, в Италии, нашими делами на Дальнем Востоке не слишком интересовался, – признался Дендрино. – Хотя, конечно, догадываюсь, отчего это вы Северо-Американские Штаты неблагодарностью попрекаете.

– Именно неблагодарностью! – загорячился Назимов. – Ну, про продажу Аляски Америке поминать не будем сейчас – это потомки оценят, по прошествии долгого времени – надо было продавать или нет. Я про другое: помните, как наш государь, рискуя втянуть Россию в новую войну, отправил к восточным и западным берегам Америки сразу две русские эскадры, наперегонки с британским флотом, направлявшемуся туда же с экспедиционными войсками? Ведь спасли же тогда, по сути, Америку. Нас там со слезами и встречали, и провожали. Кланялись, благодарили, обещали вечно помнить. И что же? Короткая память у американцев оказалась! Не только настоятельно рекомендуют японцам откупить у России Сахалин – деньги на это дело ссудить обещают! А России намекают прямо: Япония-де после визита «чёрных кораблей» Мэтью Перри и подписания договоров с Америкой всегда может рассчитывать на заокеанскую военную помощь в деле защиты своих территориальных интересов. Вот вам и «вечная память», господа!

– Ну, для дипломатов такие смены курсов – дело привычное, – усмехнулся консул. – Ничего удивительного: сие есть политика!

– А англичане? – всё ещё не мог успокоиться Назимов. – Всё ясно как божий день: если японцы застолбят свои права на Сахалин, то туда тут же ринется вся эта франко-британо-американская свора!

– М-да... – протянул разочаровано консул. – Спасибо, конечно, Сергей Николаевич – просветили нас, как говорится, насчёт коварных замыслов. Но всё это – большая, как говорится, политика! А нам бы нашу малую задачку порешать. Что вы скажете, Георгий Артурович? Какую лепту в наше совещание внесёте?

Гартман покосился на Назимова, словно взвешивая: как внести свою лепту и не выдать непосвящённому в государственный секрет человеку свой истинный статус «ока государева».

– Ну-у, что сказать, Спиридон Иванович. Когда вы, памятуя о моей старой дружбе с главою местного сысканого бюро, попросили помочь приглядеть за японскими визитёрами, я сразу к приятелю моему и направился. Так и так, брат, выручай! А итальяшки что? Они, кроме как о любви, измене и рогоносцах, и говорить-то ни о чём не умеют! Вот и мой «Петрарка» сразу оживился: *il tradimento?*[14 - Любовная, супружеская измена?], спрашивает. Да, говорю, она самая – *il tradimento!* В общем, договорился я с ним, «Сирену» встречала целая команда местных сыщиков. До гостиницы «проводили», как положено. Там – коридорного своего временно поставили. И уже к вечеру выяснили всё досконально! Японец, что постарше, вызвал хозяина гостиницы, спросил, как можно заказать билеты на поезд до Парижа? Тот ему объясняет: из Неаполя в Париж поезда пока не ходят. Японец удивляется: как же, мол, так? Он, дескать, долгое время жил в Центральной Европе и доподлинно знает, что железнодорожное строительство здесь очень быстро развивается. Ну, хозяин его и просветил: тысяча извинений, сеньор, но Италия стала единой страной не столь давно. Мол, железные дороги строились в отдельных областях Италии, в основном на севере – в Пьемонте, Ломбардии, Тоскане... И от Неаполя на север железнодорожная ветка только строится.

Консул осуждающе кашлянул: не отвлекайся, мол, друг любезный! Рисорджименто[15 - Так называли период борьбы за политическое объединение всех областей Италии в единую страну.] и все проблемы, связанные с ним, обсудить можно и потом... Гартман кивнул:

– В общем, японцам втолковали, что на поезд прямого сообщения в Париж они могут сесть только в Турине. А туда быстрее всего можно добраться на почтовом дилижансе. Или морским путём, через Геную. В итоге японцы откупили почти все места в утреннем дилижансе, и нынче утром отправились на север.

– Но из Турина, насколько я понимаю, можно отправиться на поезде через Милан и Швейцарию, – возразил консул. – А там, через Берлин, и в Россию.

– Полагаете, что японцы путают следы? – хмыкнул Гартман. – А смысл? Путешествует посланник не то, чтобы инкогнито, но совершенно безо всякой помпы. Итальянские власти, по-моему, даже в известность не поставлены. Вот

если бы наоборот, так сказать. Выспрашивали о дороге в Россию, а в Турине неожиданно сели бы на парижский поезд! Не-ет, Спиридон Иваныч!

– Значит, Париж... Но всё равно, господа, это пока только наше предположение! Вот и его сиятельство, Александр Михайлович Горчаков, в последней депеше допускает возможность какой-то путаницы, непонятности намерений посланника. В общем, он не собирается огорчать государя этим известием до тех пор, пока не будет известно о точном маршруте следования Эномото... Георгий Артурович, голубчик! На вас вся надежда! Может, есть у вас в Турине надёжные люди, которые могут взять посланника под наблюдение?

– Сделаем, Спиридон Иваныч! – кивнул Гартман. – Я ведь, знаете ли, не случайно обмолвился, что японцы откупили почти все места в почтовом дилижансе. Двое моих людей с ними в одной карете отправились... В смысле, не моих, а частного сыщика местного, – поправился он, быстро взглянув на Назимова. – И в Турине с японцев глаз не спустят, не сомневайтесь! И доложат мне, что и как. А я вам, соответственно!

– Спасибо, голубчик! Премного вам благодарен за ваше деятельное участие. Ну-с, господа, на этом наше совещание будем считать законченным. Теперь остаётся только ждать известий из Турина... Георгий Артурович, я вас провожу!

Закрыв за собой дверь поплотнее, консул взял Гартмана на пуговицу сюртука:

– Георгий Артурович, я, действительно, чрезвычайно вам признателен за содействие. И не премину отметить в ближайшем рапорте в Петербург ваше усердие и расторопность! Но... Нельзя ли устроить, чтобы и в Париже за японцами нашими пригляд был? Знаете, визиты-то разными бывают – и официальными, и частными. А у нас, дипломатов, каждая мелочь может решающей стать... Я не сомневаюсь, что Петербург и без нас догадается соответствующее распоряжение французскому бюро отдать, но... Пока депеши через всю Европу туда-сюда летать будут...

Гартман сдержанно улыбнулся, мягко освободил пуговицу из пальцев консула:

– Давайте-ка выйдем на улицу, Спиридон Иванович! Или, по крайней мере, на ваш балкон. Терпеть не могу обилия всяческих штор, занавесок, драпри... Можете считать меня сумасшедшим, но за каждой тряпкой так и чудится

подслушивающий соглядатай.

На балконе жандарм облокотился на перила и серьёзно поглядел на собеседника.

– Прежде всего, многоуважаемый Спиридон Иванович, благодарю за высокую оценку моих скромных усилий. Хотите отразить их в рапорте? Честно признаться, не хотелось бы. Но и запретить, увы, не могу-с! Однако прошу и заклинаю: непременно укажите, что я лишь выполнял вашу настоятельную просьбу! Можете добавить: с неохотой выполнял! Ваш рапорт-с ведь не только ваше, но и моё начальство читать станет, понимаете? И я ни в коей мере не желаю, чтобы у моего шефа сложилось подозрение, что мне в Неаполе, по своей линии, и делать-то нечего! Тем более что в своих рапортах и отчётах я, наоборот, всячески подчёркиваю чрезмерную загруженность делами своего департамента...

Помолчав, Гартман совсем серьёзно закончил:

– Я ведь жандарм, господин консул! Имею чин ротмистра. И в задачи нашей Заграничной службы вовсе не входит слежка за японскими и прочими дипломатами – если они, конечно, не лезут в политику, не злоумышляют на нашего государя, не мастерят бомбы и не занимаются агитацией и вербовкой противников русской монархии... Впрочем, вы и сами всё это знаете, Спиридон Иванович! Я к чему всё это говорю: хоть обижайтесь, но по линии нашего департамента я своим коллегам во Франции никаких просьб и пожеланий выказывать просто не могу-с! Нету в Париже, извините, филиала нашего Третьего отделения!

– То есть как это нету? – взвился консул. – Простите за прямоту, Георгий Артурович, но я полагал, что у нас вполне доверительный, откровенный разговор. Я ведь не второй день служу, кое-что, извините, знаю-с! Париж – это самый центр революционной эмигрантской заразы! Уж там-то нигилитины и бомбистов хватает! И чтобы этакая публика, да без должного присмотра?!

– А вот представьте себе, дражайший Спиридон Иванович! Понимаю, в этокое трудно верится, но так уж в Париже исторически сложилось! Граф Орлов[16 - Русский посол в Париже Н. А. Орлов.], принявший бразды у своего предшественника, в своё время негативно охарактеризовал действующих в

Париже агентов русской политической полиции и выступил инициатором так называемого берлинского варианта. А сие означает ненужность создания во Франции русского заграничного охранного бюро. В нужных случаях, мол, можно привлечь и силы местной полиции. Идея была немедленно подхвачена состоящим при Верховной распорядительной комиссии[17 - Верховная распорядительная комиссия по охранению государственного порядка и общественного спокойствия – чрезвычайный государственный орган Российской империи, который объединил действия всех властей в борьбе с терроризмом. Учреждена именным указом императора Александра II шесть лет спустя после описываемых в романе событий. Предтечей Верховной распорядительной комиссии были разовые инспекционные поездки высших чиновников по именным повелениям императора и постановлениям Сената. Принимаемые Главным начальником комиссии распоряжения и меры подлежали безусловному исполнению и могли быть отменены только особым Высочайшим повелением.] неким полковником Барановым – и понеслось!

Гартман вздохнул, переменял позу – теперь он опирался на поручни балкона спиной и локтями, что дало жандарму возможность время от времени бросать быстрые взгляды вверх и вниз.

– Знаете главную беду и тормоз нашей многострадальной России, Спиридон Иваныч? – продолжил он. И, не дожидаясь реакции собеседника, ответил сам. – Главная беда – это не кровавые бунты во все времена, не нынешний разгул вольнодумства и террористических идей! Всё перечисленное неизбежно в истории каждого государства. Зло – в непрофессионализме противостояния и кадровых ошибках власть предержащих! Беда в том, что весьма часто важное и требующее специальных знаний дело в России отдаётся в руки честного, но совершенно некомпетентного человека.

Дендрино, которому не терпелось заручиться конкретным согласием жандарма на помощь, вынужденно слушал давно знакомые ему философствования и кивал. Прерывать Гартмана было нельзя – пусть человек выскажется!

– Так и с Францией у нас получается, Спиридон Иваныч, – Гартман слегка понизил голос. – Ничего плохого не могу сказать о графе Орлове – боевой генерал, редкая умница, честный и прямой человек. Но не на месте граф, хоть режьте меня! На посольскую службу попал он после тяжких ранений, лишившись глаза и будучи неспособным по состоянию здоровья продолжать службу в армии. Киснул, хандрил генерал на долгом излечении – вот и пожалел

его государь, дал живое дело. Прости меня, Господи, – о человеке подумал, а о деле нет. Или Баранов этот... Не смею судить о нужности и важности Верховной распорядительной комиссии как таковой, однако пример полковника Баранова, отвечающего за противодействие терроризму, весьма нагляден! Не знаю, каким уж он был артиллеристом, не ведаю путей, которыми попал в сию комиссию – но результат налицо! Один-единственный инспекционный вояж полковника в Румынию, Швейцарию и Францию отбросил все оперативные наработки Департамента полиции и его заграничных бюро на много лет назад!

Дендрино сочувственно покашлял, но прерывать собеседника опять не стал.

– В Париже полковник, ознакомившись с деятельностью сыскной агентуры, сумел договориться с префектом Парижа Луи Андрие о реорганизации Заграничной службы при непосредственном участии помощника префекта, некоего Мерсье, – продолжил Гартман. – Французы при этом поставили условие, чтобы в Париже не было других агентов нашего Третьего отделения. Вот вам и реорганизация, Спиридон Иванович! Баранов по завершению командировки спокойно отбыл в Петербург, а координацией действий французской агентуры вынужден заниматься сам посол! Неслыханное дело! Как вы можете догадаться, сами французские агенты в наших российских делах оказались, увы, несостоятельными! Иначе и быть не могло – по моим сведениям, нынешние и языка-то русского не знают!

Гартман вздохнул, вытянул за цепочку брегет, щёлкнул крышкой.

– А вы упрекаете меня в недоверительности разговора, Спиридон Иваныч! Все тайны наши, как есть, выдал вам... Понимаете теперь, что никак нельзя мне в Париж самому обращаться? Здесь, в Неаполе, у меня на редкость удачное прикрытие. Узнают обо мне французы – немедленно поделятся новостью с итальянскими коллегами, и конец моему прикрытию. И вы, Спиридон Иваныч, без верного помощника в тайных делах останетесь!

– Но ведь время потерять можем! – едва не простонал Дендрино.

– Не извольте беспокоиться на сей счёт, Спиридон Иваныч! – перебил Гартман. – Желаемого вами ускорения можно достигнуть совершенно иначе, уверяю вас! Вариант первый: вы лично можете обратиться к графу Орлову. Но, как понимаете, это вызовет на парижской улице Гренель лишь раздражение. Вам

немедленно напомнят, что в Париже центральная резидентура в Европе. И про великую разницу в объёме работы там и тут, в Италии, напомнят! Чего греха таить – там действительно революционеров и социалистов с бомбами гораздо больше, чем здесь, слава Создателю! Признаться, я в Италии и четверти забот и усилий моих парижских соратников не имею!

– Чёрт, а ведь об этой стороне дела я даже как-то не подумал.

– И впредь не думайте, Спиридон Иванович! – посоветовал жандарм. – Ни к чему вам нашими проблемами голову забивать. А посему сделаем так: дождёмся телеграфного подтверждения от моих людишек о прибытии почтового дилижанса в Чивитавеккью – и отобъём в Петербург свои рапорта. Вы в МИД, я – своему начальству. Оба выразим озабоченность нештатной ситуацией с японским посланником. А вы ещё и обратите светлейшее внимание канцлера Горчакова на целесообразность привлечения к делу парижской резидентуры! И всё закрутится как надо, уверяю вас, Спиридон Иванович! Наши начальники-министры скорее договорятся, нежели мы, право слово! А о моём вкладе в вашу дипломатическую лепту пока помолчите, ладно? Успеется, поверьте.

Глава третья

Путешествие японцев из Неаполя в Турин вряд ли можно было назвать спокойным и безмятежным. Выкупив места в почтовой карете и явившись к назначенному часу на станцию отправления, Эномото и его спутники вдруг обнаружили, что будут не единственными пассажирами. На переднем сиденье внутри дилижанса расположились двое невозмутимых мужчин. Эномото на французском, немецком и фламандском языках попробовал указать незнакомцам на их явную ошибку – однако мужчины только разводили руками и отвечали трескучими фразами по-итальянски. Тогда Эномото отправился за разъяснениями в почтовую контору станции.

Однако и там служащий, ещё вчера сносно объяснявшийся по-французски, за ночь словно напрочь разучился говорить на этом языке и к тому же изрядно поглупел. Эномото перешёл на немецкий, потом на фламандский языки – результат был тем же. Японец в отчаянии попытался прибегнуть к интернациональному языку жестикуляции: подведя служащего к карете, он

обвёл её широким жестом и потыкал в себя и спутников пальцем – мол, это всё моё! Не помогло даже предъявление квитанции оплаты, в коей были перечислены номера всех откупленных в карете мест, внутренних и наружных. Всё было без толку!

– Итальянец в форменной фуражке с кокардой из двух скрещенных почтовых рожков кивал, широко улыбался японцам и снова начинал тарахтеть по-своему. Ткнув рукой в японских путешественников, он загнул на левой руке три пальца, спрашивая взглядом подтверждения: верно ли, мол? Против этого возразить было трудно, и тогда итальянец начинал пересчитывать на пальцах свободные места в карете – шесть наружных и четыре свободных внутри кареты. Десять, синьор, верно? А вас трое – так что же вам ещё нужно, почтеннейшие? Неужели вам троим не хватит оставшихся мест? Эномото, стараясь сдерживаться, снова и снова пытался объяснить, что невеста откуда взявшиеся пассажиры, не принимающие участия в арифметических дебатах, занимают места в карете, оплаченные японскими путешественниками.

Служащий снова кивал, прижимал руки к сердцу и опять раздражался длинной тирадой по-итальянски. Он пренебрежительно махал на посторонних пассажиров рукой: не обращайтесь, мол, внимания, сеньоры...

Кучер в алой грязноватой ливрее с гербом Турн-и-Таксис[18 - Первый опыт организации почтовой службы в Европе, предусматривающий перевозку корреспонденции и пассажиров, был предпринят членами рода Таксис из Бергамо ещё в 1516 году, и с тех пор стал семейным занятием их потомков.] и охранник со старым ружьём, сидевший на почтовом ящике, следили за спором пассажиров и служащего с живым интересом, громко обменивались репликами по этому поводу и поминутно покатывались со смеху. Эномото, привыкший за время учёбы в Европе к бесцеремонности европейцев, почти не обращал на это внимания. Однако Уратаро Сига и Асикага Томео, для которых непочтительность простолюдинов и их насмешки были оскорбительны, то бледнели до синевы, то багровели. Почувствовав, что его спутники могут вот-вот вспылить и устроить громкий скандал, Эномото счёл за благо прекратить бесполезный спор и повернулся к своим спутникам:

– Не стоит так волноваться по поводу бесцеремонности варваров! Это их обычная манера поведения, поверьте. В Европе, господа, вам придётся привыкать ко многому, в том числе и непочтительному вниманию со стороны совершенно незнакомых людей! Давайте-ка лучше займём места в экипаже.

Возможно, что этот итальянский пройдоха просто не понял вчера, что я желал откупить все места в карете. А возможно, просто хитрит. В любом случае мы ничего сейчас не докажем.

– К подобному непотребству просто невозможно привыкнуть, – опомнился Уратаро, сломавшись в поклоне. – Я отдаю должное вашей выдержке, Эномото-сан! Вы, безусловно, правы: едем, пока в нашу карету не заполнили другие желающие прокатиться в Турин за счёт Японии!

Асикага Томео лишь молча поклонился, бросив неприязненный взгляд на пассажиров-европейцев в дилижансе и продолжавшего что-то говорить почтового служащего.

– Погода чудесная, господа! Может быть, мы займём наружные места? И тогда у нас будет великолепный обзор местности, почти как с капитанского мостика корабля! – предложил Эномото.

Дождавшись, пока их багаж разместят в объёмистом ящике за задними колёсами почтовой кареты, путешественники взобрались по лесенке на крышу и уселись. Эномото и Уратаро сели рядом, третий японец, помедлив, устроился напротив.

Тем временем почтовый служащий, переведя дух после длинных споров, со злобой накинулся на кучера, тыча ему в лицо часы: он явно бранил его за задержку отправления, в которой тот вовсе не был повинен. Возникла новая перепалка, в которую вмешался охранник кареты и даже пара случайных прохожих. Наконец, кучер поглубже нахлобучил на голову цилиндр, задудел в изогнутый кольцом рожок, заработал кнутом, и тяжёлая карета, набирая скорость, покатила по дороге, ведущей на север.

Уратаро достал карту Италии и попытался определить расстояние от Неаполя до Турина.

– Сколько, интересно, мы будем ехать? – пробормотал он.

– Расстояние до конечного пункта нашего путешествия составляет около 180 почтовых льё^[19] - Французское почтовое льё в современных мерках составляет 3,89 км. Таким образом, путь от Неаполя до Турина равен примерно 720

километрам.]. Почтовое льё – чуть меньше сухопутного географического и почти вдвое короче морского, лейтенант, – заметил Эномото. – А вот время путешествия может составлять от трёх до четырёх дней. Если не случится дорожных поломок, разумеется...

– Благодарю, Эномото-сан!

Дорога на север Италии, вырвавшись из узких улочек Неаполя, шла практически по-над берегом. Она цеплялась за горные склоны, вилась по серпантину между небом и морем. Порой дорога сужалась настолько, что четвёрка лошадей, хоть и предусмотрительно снабжённая шорами, невольно сбавляла размашистую рысь, прижималась к скалистой неровной стенке. Кони фыркали и высоко вскидывали головы, в то время как левые колёса почтовой кареты катились едва не по самому краю пропасти, столь глубокой, что откуда даже не доносился шум прибоя.

С крыши кареты зрелище было ещё более впечатляющим, буквально царапающим по нервам, и японцы, искоса поглядывая друг на друга, втайне жалели, каждый про себя, что едут снаружи, а не внутри.

Кучер между тем постоянно прихлёбывал вино из оплетённой соломой бутyli, горланил песни и усердно работал кнутом, бодря лошадей. Карета, благодаря его усилиям, катилась довольно быстро. И всякий раз, когда экипаж приближался к очередному крутому повороту, Эномото старался не думать о том, что навстречу может вылететь встречная повозка с таким же полупьяным возницей...

Но, несмотря на вполне реальные опасения, японские путники не могли не отмечать величественной красоты, разворачивающейся вокруг мчащейся почтовой кареты. Пронзительная синева морской поверхности, переходящая у горизонта в более бледные тона, чёткие белые пятнышки парусов – всё это составляло впечатляющий контраст с горной местностью. Бледно-зелёные краски скалистого склона впереди густели, ощутимо синели и словно врезались чётким контуром вершин в небесный купол.

Через три часа безостановочной скачки карета вырвалась в долину. Горы справа немного отступили, а вдоль дороги то и дело возникали и уплывали назад древние захоронения римлян. Кучер заработал кнутом ещё усерднее, задудел в

рожок, и карета на полном ходу влетела в распахнутые настежь ворота первой почтовой станции на пути следования. Во все стороны шумно брызнули куры, гуси и козы. Кучер, отбросив кнут, теперь что есть силы вцепился в вожжи, и тяжёлый экипаж, сделав полукруг, наконец остановился, едва не снеся обложенное диким камнем наверхие колодца посередине двора.

Выскочивший на шум и грохот хозяин постоянного двора немедленно принялся ожесточённо ругаться с явным виновником переполоха – кучером. Всласть наругавшись, словно исполнив положенный ритуал общения, кучер и хозяин обнялись, похлопали друг друга по спине и исчезли в помещении. Конюхи тем временем выпрягали тяжело дышащих лошадей и заводили в упряжку свежих – уже не четвёрку, а шестёрку.

Японские путники спустились со своей верхотуры, разминая затёкшие ноги. И тут же оказались в окружении стайки босоногих мальчишек, бесцеремонно разглядывающих необычных пассажиров. Сорванцы тянули японцев за рукава, кланчили мелочь, показывали раковины и какие-то нехитрые поделки из дерева – пока выбравшаяся из кареты пара незваных попутчиков не прикрикнула на них. Сделав приглашающий жест, попутчики на ломаном французском позвали японцев в дом: там можно было, судя по всему, перекусить, выпить молодого вина или воды.

От еды и вина японцы отказались – лишь выпили удивительно вкусной, ломающей зубы холодной воды, и с помощью служанки смыли дорожную пыль с лиц и рук.

Через четверть часа конюх, выбравшись на крыльцо заезжего дома, вновь задудел в рожок, приглашая пассажиров кареты занять свои места. Повернувшись к Уратаро, Эномото кивнул на форейтора, оседлавшего коренника из запряжённой шестёрки:

– По всей вероятности, лейтенант, сейчас дорога пойдёт на подъем...

Уратаро кивнул.

Вновь замелькали по обеим сторонам дороги деревья, редкие каменные ритуальные постройки. Солнце стояло почти в зените, жара усилилась. Карета и впрямь шла медленнее, кучер примолк, и лишь изредка, словно для порядка, взмахивал кнутом. Эномото обнаружил, что подлокотники наружных сидений

выдвигаются, их можно было закрепить в таком положении и, таким образом, верхние пассажиры могли обезопасить себя от нечаянного падения при резком повороте или во время сна. Теперь можно и подремать.

...Он родился в августе 1836 года, и был вторым сыном в семье министра сёгуната Токугавы Эномото Марухэйей. Военное дело Такэаки начал постигать с 12 лет, а к 18 годам его приняли на обучение слушателем голландской мореходной школы. Закончив её, Эномото вернулся в Эдо.

Сёгунат Токугавы доживал свои последние дни и цеплялся за любую возможность сохранить в стране своё влияние. Трёхсотлетняя самоизоляция Японии явно изжила себя. В портах страны стало тесно от иностранных современных кораблей. Настала пора и Японии сделать свой военно-морской рывок! И вот в 1861 году правительство Бакуфу принимает решение о заказе в Северо-Американских Соединённых Штатах сразу трёх военных паровых судов. Наблюдать за их постройкой и учиться морскому делу были назначены лучшие выпускники и преподаватели морского колледжа в Нагасаки. И среди них Эномото Такэаки.

Но с поездкой в Америку не получилась: там вспыхнула война Севера и Юга. Когда она закончится – никто не знал. А время шло, и сёгунат переиграл заказ, выбрав для этого спокойную и даже меланхоличную Голландию. Стажёрами в Европу должны ехать те же 15 японских молодых мореходов.

Их долгий путь начался на небольшом голландском торговом паруснике «Калипсо», который должен был перебросить стажёров в Батавию[20 - Старое название столицы Индонезии Джакарты. Батавией – в честь предков голландцев, батавов – был назван военный форт, на месте которого позднее и возник город.].

Путешествие, начавшее 11 сентября 1862 года, не заладилось. В Яванском море судно попало в сильный шторм и получило пробоину. Команда «Калипсо», уверенная в том, что судёнышко вот-вот пойдёт ко дну, тайком от японцев погрузилась в шлюпки и отчалила, бросив пассажиров на произвол судьбы. Трое суток судёнышко швыряло волнами, ветер сорвал все паруса и обломал мачты – однако «Калипсо» каким-то чудом держалось на плаву. Когда море успокоилось, японские стажёры обнаружили, что на судне нет ни продуктов, ни воды: все припасы, сложенные на верхней палубе, смыло волнами...

На третий день к полузатопленному «Калипсо» подошёл торговый парусник под британским флагом. Однако радость японцев была преждевременной: убедившись, что среди терпящих бедствие нет европейцев, а в трюмах нечем поживиться, англичане попросту бросили их и отошли.

Следующая встреча терпящих бедствие японцев состоялась с... малайскими пиратами. Заметив неуправляемое судно с обрывками парусов, пираты на нескольких лодках окружили «Калипсо», вскарабкались на борт в расчёте на скудную, но безопасную поживу. Но на корабле были не просто стажёры – самураи! Обезоружив пиратов, японцы заставили отвезти их до ближайшего островка.

Остров оказался необитаемым, но его иногда посещали рыбаки с соседних островов. Они-то и вызволили в конце концов японских путешественников. Вскоре с Явы за ними пришёл военный корабль, и путников доставили в порт Батавия.

И только в начале ноября японские стажёры разместились на небольшом фрегате с паровой машиной мощностью 30 лошадиных сил, приводящей в движение колесо с лопастями. Для страховки фрегат «Торренто» был, разумеется, оснащён и парусом.

Суэцкий канал к тому времени ещё не был открыт, и путешественникам предстоял длинный путь через Индийский океан, вокруг Африки в Атлантику и далее на север. 8 февраля 1863 года «Торренто» бросил якорь в порту Джеймстаун на острове Святой Елены. Это была уже Европа!

Эномото пошевелился на сиденье, оказавшемся не столь удобным, как в начала пути. Приоткрыл глаза, глядя на своих нынешних попутчиков. Как ему хотелось проникнуть в мысли этого Асикага Томео, узнать, что за человек носит имя, означающее «осторожность». Увы: это покажет только время! Эномото снова прикрыл глаза, стараясь направить мысли на что-то более возвышенное, нежели размышления о крайне неприятном для него человеке. Стихи? Да, тогда, на рейде Джеймстауна, он написал стихи, которые не стыдно занести в скрижали памяти:

В длинной роще стоит одинокое дерево под дождём.

Мы идём к нему, плутая по дороге мужества.

Мы пришли сюда как незнакомцы —

И под сенью дерева слышали пение птиц[21 - Подлинные стихи Эномото Такэаки. «Длинная роща» – дословный перевод английского названия Лонгвуд – деревеньки, связанной с именем сосланного на остров Святой Елены Наполеона I.].

В середине апреля «Торренто» бросил якорь в голландском порту Провельс Хакен. Отсюда до места назначения, по каналам, судно могли идти только на буксире лоцманского корабля. 18 апреля 1863 года, в порту Роттердам, плавание закончилось.

Толпы людей собрались в порту и по пути следования японской группы стажёров, дивясь экзотическому виду путешественников. Перед отправкой из Японии они получили категоричный приказ правительства: не переходить в другую религию и... не носить европейской одежды! Осторожно высказанные молодыми людьми соображения насчёт того, что люди в непривычных для европейцев наряды будут привлекать всеобщее внимание, правительственные чиновники не слышали. И вот извольте видеть! Пятнадцать человек в кимоно с чёрными гербами, мечи у пояса. На головах длинные волосы, завязанные в хвост, на ногах сандалии необычного вида... Полюбоваться таким зрелищем люди сбегались не только на перекрёстки – зеваки висели на уличных фонарях, гроздьями облепили окна и двери домов.

В доке судовой верфи Гибса, что в городке Дордрехт, уже начал формироваться остов будущего парохода, ещё в Японии названного «Кайё-мару» – «Свернувшийся Дракон». Пока это был только киль, вытянувшийся вдоль всего дока. Однако, разглядывая чертежи будущего корабля, Эномото уже видел плавные обводы высоких бортов, надстройки, дымящую трубу... Такого корабля в Японии ещё не видели! Трёхмачтовое судно со вспомогательной паровой машиной. В современных измерениях длина судна с бушпритом составляла 81 метр, ширина 13 метров, мощность машины – 400 лошадиных сил! Неужели он, второй сын простого самурая, войдёт в японский порт на мостике этого корабля?

Чтобы быстро освоить европейские науки, прежде надо было выучить язык, на котором говорили голландские корабли. Эномото, хотя и умел к тому времени худо-бедно объясниться на фламандском языке, нанял сразу двух учителей, занимавшихся с ним в две смены, по 8-10 часов в день. Поражаясь упорству

необычного ученика, голландцы за полгода вымотались сами, однако их ученик, проявив недюжинные природные способности, сделал ощутимые успехи. Через полгода, рассчитав одного из учителей, Эномото счёл себя достаточно подготовленным, чтобы поступить в Роттердамскую мореходную школу.

Эномото выполнил все наказания могущественного сёгуна. Помимо военно-морских наук и корабельного дела, он освоил физику, химию, баллистику и даже международное морское право.

В декабре 1865 года судно было спущено на воду и было поставлено уже в плавучий док для окончательной доводки и оснащения. К тому времени в Голландию прибыли ещё восемь моряков-стажёров из Японии. Миновал ещё год. За это время оружейная палуба «Кайё-мару» была оснащена 26 пушками Круппа, заказанными на немецких оружейных заводах. Дополнительные 12 пушек малого калибра были установлены на баке и юте судна. Японские моряки за это время учились работать с парусами, такелажом, участвовали в ходовых испытаниях судна.

И вот в декабре следующего, 1866 года корабль «Кайё-мару» с экипажем из сотни голландцев и японцев-стажёров под командованием капитана военно-морского флота Нидерландов Дино покинул европейские берега и двинулся к американским, на юго-восток. Немногим меньше, чем через два месяца, диковинный флаг судна встречали уже в Рио-де-Жанейро.

У бразильских берегов судно задержалось ненадолго. Забункеровав корабельные угольные ямы под завязку, Дино повёл корабль к берегам Японии, вокруг южной оконечности материка. Жестокие штормы, нехватка пресной воды для охлаждения паровой машины – пришлось добывать её из морской – испытание для японцев-стажёров вышло полномасштабным. На 109-й день плавания они увидели наконец вершину священной для каждого японца горы Фудзи.

В Японии с корабелями и голландским экипажем судна был произведён окончательный расчёт, и на капитанский мостик заступил новый командир «Кайё-мару» – новоиспечённый капитан первого ранга военно-морских сил Японии Эномото Такэаки. Он же принялся набирать полностью японский экипаж. Обучение моряков происходило под командованием тех стажёров, что пришли на судне из далёкой Европы. Учёба шла одновременно с патрулированием Осацкого залива.

Военное правительство Бакуфу не скупилось на чины и должности для самого образованного человека Страны восходящего солнца. Вскоре Эномото становится заместителем командующего всеми военно-морскими силами Японии.

Однако не прошло и года, как блестящая карьера Эномото прервалась. В стране произошла реставрация власти императора, а прежний всесильный военный правитель Японии, сёгун Токугава, был лишён властных полномочий. В стране вспыхнула гражданская война. Верный клятве, данной клану Токугавы, Эномото встал, разумеется, на его сторону. Он вывез на своём корабле проигравших битву при Фусими лидеров Бакуфу в Токио, а через четыре месяца отдал своей эскадре[22 - Кроме «Кайё-мару» в соединение входило ещё семь кораблей.] приказ идти на север...

– Сансей! Ваше превосходительство! Извините, что прерываю ваши размышления...

Эномото при звуках резкого гортанного голоса Уратаро Сига очнулся от полудрёмы и отрывочных воспоминаний, неторопливо прокручивающихся в голове. Карета по-прежнему катилась на север, вот только величественная гора, синевшая утром на горизонте, стала гораздо ближе и заслоняла, казалось, полнеба.

– Да, лейтенант?

– Я не любопытен, Эномото-сан, я офицер и выполняю приказы. И до сих пор я не интересовался главной целью, поставленной перед нашей дипломатической миссией в России. Но... Скоро мы всё равно будем там, и я хотел бы спросить у вас – какая задача стоит перед нами?

Эномото покосился на спутника: неужели Уратаро действительно ничего не знает?

– Вы получили назначение быть при мне переводчиком, лейтенант. Неужели вам и вправду не сообщили о главной задаче?

– Клянусь, ваше превосходительство!

– Гм... А вы, лейтенант Асикага, тоже ничего не знаете?

– Я служил при штабе военного министра Сайго Такамори, ваше превосходительство, – привстав, Асикага поклонился. – Вы, несомненно, знаете об этом, Эномото-сан! Меня направили в ваше распоряжение, мои прежние обязанности не предполагали занятий дипломатией.

– Так же, как и мои, – скупой улыбнулся Эномото. – Что ж, не вижу причин скрывать от вас главную цель будущих переговоров. Между Японией и Россией существует серьёзная территориальная проблема – принадлежность Северного Эдзо, который они называют Сахалином. У русских на этом острове каторга и небольшое число крестьян-колонистов. У Японии – многочисленные рыбные промыслы на юге острова. Кроме того, Сахалин имеет большое стратегическое значение, особенно если отношения между нашими странами обострятся до враждебных.

– Неужели мы когда-нибудь осмелимся бросить вызов такой огромной и мощной державе, как Россия? – Уратаро подался вперёд, напряжённо глядя в лицо Эномото.

– Вы моряк, господин Уратаро. И не могли не видеть, что русских военных кораблей в дальневосточных морях гораздо меньше, чем британских или американских. На своих восточных окраинах Россия слаба, у неё нет там ни мощного флота, ни баз для него. Один из вариантов пограничного разграничения, который мы предложим в Петербурге, предусматривает раздел самого Сахалина и сухопутную границу на нём. Однако русские вряд ли пойдут на это: они прекрасно понимают, что в этом случае Япония не только приобретёт богатые месторождения угля на юге Сахалина, но и получит мощный форпост, перекрывающий Татарский пролив и устье Амура.

– Но вы сами говорите, что Россия слаба, ваше превосходительство! – глаза Уратаро заблестели хорошо знакомым Эномото блеском рвущегося в бой самурая. – И если наша позиция на переговорах будет достаточно твёрдой...

– Не всё так просто, лейтенант! – усмехнулся Эномото. – Нынче и Япония весьма слаба. У нас нет достаточно кораблей даже для военной экспедиции в Корею. Кроме того, у нашего правительства просто нет денег для обустройства на юге Сахалина мощных береговых укреплений! Если мы будем проявлять глупое

упрямство, то уже через два-три месяца вполне можем увидеть возле своих берегов русские эскадры, переброшенные с Балтийского и Чёрного морей! Это сразу изменит баланс сил, лейтенант!

– Понятно, Эномото-сан! – Уратаро заметно сник.

– Есть и ещё один момент, господин Уратаро! Выторговав у России юг Сахалина и не имея в казне денег на его освоение, мы вынужденно откроем двери острова для англичан и американцев. Им только того и надо! А уж выжить их отсюда будет гораздо труднее, чем заключить с Россией справедливое соглашение. Не так ли, господин Асикага? – Эномото в упор взглянул на второго лейтенанта, до сих пор не принимавшего участия в разговоре. – Что об этом думают в штабе военного министра Сайго Такамори?

– Армия Японии выполнит любой приказ своих военачальников и любое повеление божественного микадо, ваше высокопревосходительство!

– Не сомневаюсь, лейтенант! Не сомневаюсь. А скажите-ка мне, лейтенант Асикага, какими вопросами занималось при штабе военного министра подразделение, которым вы командовали? Вы – лейтенант, значит, у вас под началом была команда, верно?

– Я не имею права говорить об этом, господин посол!

– Какой вздор, лейтенант! Вы назначены под моё начало. Чин вице-адмирала военно-морского флота Японии равен генеральскому, рангу министра. В конце концов, раз уж вы попали в мою команду, я должен использовать ваши знания и прежний опыт наиболее эффективно, как говорят европейцы! А для этого мне необходимо знать, что вы умеете делать лучше прочего!

– Я не имею права, ваше высокопревосходительство! – взгляд Асикага полыхал злобой, однако тон оставался почтительным. – Я получил приказ!

– В армиях всего мира приоритет имеет последний приказ или распоряжение вышестоящего начальства, лейтенант! Жаль, что, проходя службу при штабе самого военного министра, вы не знаете об этом! Ещё более жалею о том, что наша беседа на эту тему состоялась только сейчас. Состоись она хотя бы двумя днями раньше, сейчас вы уже возвращались бы в Японию на том клипере, что

догнал нас в Средиземном море. По прибытию в Петербург, к новому месту службы, вы, лейтенант Асикага, будете подвергнуты домашнему аресту до принятия решения министерством внешних связей, которое моим рапортом будет немедленно извещено о вашем отказе выполнить мой приказ!

– Слушаюсь, господин вице-адмирал!

В голосе Асикага послу слышалась скрытая издёвка, но придраться было не к чему.

– На ближайшей станции извольте сменить место, чтобы я как можно реже видел вашу физиономию, лейтенант Асикага!

– Слушаюсь, господин вице-адмирал!

Эномото подчёркнуто повернулся к Уратаро Сига:

– На чём мы прервались, лейтенант? Ах да, на американцах и англичанах. Вы, наверное, знаете, лейтенант, что, провозгласив ликвидацию «бамбукового занавеса», наша страна стала открывать в Европе свои постоянные дипломатические представительства. Ну а Россия – наш ближайший северный сосед. Через эту страну в Европу ведут самые короткие дороги. Правда, самих дорог ещё нет, – усмехнулся Эномото. – Вся восточная часть России, так называемая Сибирь, представляет собой огромное необжитое пространство, покрытое густыми лесами и реками, ширину которых нам с вами просто трудно представить, лейтенант! Но дороги и обжитость – это вопрос времени. А дипломатические мосты надо строить раньше деревянных, железных и каменных! Вот мы и направляемся в Россию, чтобы начать строить первый такой мост! Кроме того, есть ещё одна дипломатическая проблема. Вы должны помнить, лейтенант, международный скандал с перуанским кораблём «Мари Рус» – судно зашло тогда на ремонт в Иокогаму. Там с корабля сбежал один из невольников-китайцев. И Япония, в соответствии с международной конвенцией о запрете рабства, освободила более 200 невольников-китайцев, перевозимых в Перу. Перуанцев в том споре, к сожалению, поддержали немцы, англичане и французы. Спор до сих пор не решён, и нам крайне необходима авторитетная поддержка в этом вопросе. Мы здесь рассчитываем на Россию!

– Мне всё понятно, ваше высокопревосходительство. И как вы полагаете – с этими северными варварами удастся договориться насчёт Северного Эдзо так, чтобы интересы Японии не пострадали?

– Не знаю, лейтенант! – откровенно признался Эномото. – У меня, как вы, вероятно, знаете, нет опыта дипломатических переговоров. К тому же во время службы на флоте и... и позже тоже, я почти не имел дел с русскими. В отличие от вас, лейтенант! В Голландии, во время моей учёбы, я был знаком с двумя русскими штурманами – но это знакомство было столь давним и мимолётным. А вот вы, кажется, проходили морскую практику на русских кораблях во время их захода в японские порты?

Уратаро замялся:

– Да, это так, ваше высокопревосходительство! Но мне трудно судить, Эномото-сан: вы же знаете, что начальство строго следило за тем, чтобы отношения японцев и иностранцев не выходили за рамки официальных. Русские показались мне более... простыми, что ли, по сравнению с теми же голландцами, немцами и французами. Более искренними и более уважительными к нашим обычаям и традициям. Но я, возможно, ошибаюсь: я ведь простой моряк!

– «Простой моряк», – повторил Эномото. Он развернулся к Уратаро всем телом и внимательно стал смотреть собеседнику в глаза. – У меня к вам, лейтенант, тоже есть вопрос, который мучает меня с самого начала нашей миссии. Скажите мне, насколько хорошо вы знаете русский язык? Достаточно ли свободно вы им владеете, чтобы разделить вместе со мной большую ответственность за судьбу будущих переговоров?

Уратаро Сига некоторое время старался удерживать глазами пристальный взгляд собеседника, потом потупился.

– Раз вы задаёте мне такой вопрос – значит, скорее всего, знаете и ответ, Эномото-сан! – пробормотал он. – Да, я в достаточной мере знаю язык северных варваров. В бытовом плане. А вот в вашем деле... Трудно сказать, насколько я окажусь полезным!

– Спасибо за искренность, лейтенант, – Эномото отвернулся, вглядываясь в сверкающую синеву моря.

Дилижанс продолжал катить на север. Навстречу несколько раз попадались конные повозки. Их возницы уважительно притормаживали, весело приветствовали экипаж почтовой кареты. Солнце продолжало слепить глаза и жечь тело даже через одежду, и Эномото, вновь погружаясь в дрему, подумал о том, что до вечера надо бы перебраться на внутренние места в карете.

Убаюкивающее покачивание почтовой кареты внезапно сменилось шумом, треском, лошадиным ржанием и многоголосой итальянской руганью. Дремавший пассажиры-японцы мгновенно пробудились, крепче ухватились за поручни и заозирались по сторонам, пытаясь понять – что случилось?

Вплотную к их остановившейся карете стоял другой, встречный почтовый дилижанс. То ли кучера обоих карет задремали, то ли не пожелали оставить для встречного экипажа побольше места на узкой горной дороге – кареты не смоги разъехаться и встали, сцепившись осями задних колёс.

Встречный дилижанс был в худшем положении: его правые колёса почти повисли над пропастью, а рывки возбуждённых лошадей мало-помалу сдвигали его в сторону бездны. Кучера, не сходя со своих мест, были всецело увлечены взаимными обвинениями и не замечали этого – лишь перепуганный фореитор встречного дилижанса сполз со своего коренника и убежал подальше, к скале. Лошадей успокоить было некому.

Первым опасность в полной мере оценил Уратаро Сига. Он спрыгнул со своего сиденья, ухватил под уздцы переднюю пару лошадей встречного дилижанса и принялся успокаивать их – поглаживать и похлопывать по взмыленным шеям, что-то тихонько говорить по-японски.

Постепенно лошади успокаивались, перестали рваться вперёд. Затих и зловещий шорох песчано-каменного «ручейка», сыпавшегося в бездну из-под колёс экипажа. Спрыгнувшие следом Эномото и Асикага, не сговариваясь, ухватились за задние колёса своего дилижанса, пытаясь сдвинуть его ближе к скале, – однако карета была слишком тяжела.

Тут спохватились и другие пассажиры. На помощь из кареты выскочили двое мужчин, ехавшие на откупленных японцами местах, стражники обоих экипажей. Совместными усилиями задние колёса кареты, наконец, удалось немного сдвинуть, и тогда Эномото дал знак Уратаро. Тот осторожно потянул лошадей,

оси экипажей расцепились, и дилижансы разъехались.

Опомнившиеся кучера, осторожно заглянув в пропасть там, где на краю дороги остались следы колёс, поспешно отступили подальше и дружно закрестились. А потом наперебой принялись предлагать японцам вином из своих бутылей, дружески хлопать их по спинам, обнимать за плечи.

Эномото, уже знакомый с этим бесцеремонным обычаем европейцев, терпел панибратские объятия и похлопывания с лёгкой улыбкой. Однако, наблюдая за своими соплеменниками, он пришёл к выводу, что те в любой момент могут отбросить руки простолюдинов, сделать какие-то угрожающие движения. Особенно это касалось побледневшего от гнева Асикага, никогда близко не сталкивавшегося с европейцами и их обычаями.

Сохраняя на лице улыбку, он громко по-японски предупредил спутников:

– Господа, не обращайтесь внимание на проявление панибратства! Это ни в коей мере не проявление неуважения к вам! Так в Европе благодарят людей за помощь. Прошу вас, улыбайтесь и не отталкивайте этих тёмных людей, не знакомых с правилами японской вежливости!

Это распоряжение прозвучало вовремя: итальянцы, простодушно и от всей души благодарившие иностранцев за помощь, уже начали обращать внимание на то, что невеста откуда взявшиеся чужестранцы с трудом переносят их вполне дружеские прикосновения. И даже отталкивают их от себя... Самурайская дисциплина и привычка повиноваться старшим заставила молодых японцев хоть и через силу, но вполне дружески поулыбаться в ответ.

Наконец инцидент был исчерпан, пассажиры обоих дилижансов разошлись по своим местам, кучера поднесли к губам свои рожки – и кареты разъехались. Асикага, поджав губы, перебрался внутрь кареты.

Эномото, устаиваясь на своём прежнем «мостике» поудобнее, на этот раз прихватил с собой из чемодана мощный швейцарский бинокль, и теперь через его линзы с удовольствием рассматривал развернувшуюся слева по ходу движения морскую акваторию. Не исключено, что вон тот далёкий белый клочок, почти исчезнувший за линией горизонта, и есть парус уходящего в обратное далёкое плавание японского клипера, догнавшего их корабль позавчера.

Стоило ли, подумал Эномото, на мгновение отводя от лица окуляры бинокля и смаргивая. Стоило ли высокочтимому правительству допускать столь высокие траты, чтобы передать направляющему в Россию послу утверждённые правительством эскизы парадного мундира вице-адмирала? И не мелочная ли сие опека – сопроводить эскизы приказом непременно заказать мундир в Париже?

Мундир Эномото собирался шить где-нибудь по дороге в Россию – в той же Швейцарии, либо в Берлине. Зачем делать такой крюк? Но приказы не обсуждаются – тем более что возможность побывать в Париже чрезвычайно его обрадовала. Как говорят в Европе, нет худа без добра: визит в столицу Франции даст ему возможность увидеться с Жюлем Брюне – если непоседливого солдата удачи не сманили, конечно, в какую-нибудь новую заграничную авантюру.

Эномото и предполагать не мог, что приказ шить мундир именно в Париже и преследовал именно эту цель: подтолкнуть его к встрече с Жюлем Брюне. А если бы он забыл о существовании француза, либо посчитал встречу с ним в своём новом дипломатическом качестве неуместной, то лейтенанту Асикага Томео было приказано, насколько возможно, способствовать этой встрече...

Тем временем почтовая карета всё мчалась и мчалась на север итальянского «сапога». Ещё трижды менялись на станциях лошади, и когда уже ночь раскрыла над Апенниннами свой чёрный бархатный купол, кучер сжалился над утомлёнными пассажирами. Остановив взмыленных коней во дворе пятого по счёту заезжего дома, кучер выкрикнул слово, понятное и без перевода:

– Баста!

На этой станции путников ждал ужин и ночлег.

Эномото сверился с картой, удовлетворённо кивнул головой:

– Как я и предполагал, за сегодняшний день мы преодолели ровно треть пути до Турина. Ещё два дня – и мы в бывшей столице Италии! Там мы пересядем на поезд и далее поедem в гораздо больше комфортных условиях!

Через два дня на третий, прибыв на почтовую станцию Турина, японцы оказались столь вымотанными путешествием, что решили задержаться в местной гостинице, чтобы выспаться и отдохнуть. Правда, предусмотрительный Эномото счёл нужным оставить хозяину распоряжение послать прислугу за билетами на послезавтра – в спальный вагон до Парижа.

Убедившись, что заказанные билеты куплены и доставлены в гостиницу, сопровождавшие японцев сыщики немедленно отбили подтверждающую депешу в Неаполь, и поспешили на заслуженный ими отдых в другую гостиницу.

Электрические сигналы в проводах, прежде чем превратиться в неровные строчки букв, проделали большой путь – сначала в Неаполь, потом, несколько изменившись, в Женеву. Там смысл телеграфного сообщения из Италии, прежде чем оно отправилось в Берлин и Варшаву, изменился уже довольно сильно. И некий мелкий варшавский чиновник, упрятав полученную депешу в особую папочку, отправил в русский Кронштадт совсем другую телеграмму. Эта депеша донельзя огорчила сначала курьера местной телеграфной конторы Осипа Петренко, а следом и... главу Министерства иностранных дел Российской империи, светлейшего князя Горчакова.

– Кондратий Степанович, побойся Бога! – скулил курьер, которому до смерти не хотелось выходить в глухую полночь на улицу, где свирепый ветер с Финского залива рвал крыши с домов и выл в трубах совсем не по-весеннему. – Какая ж тут срочность у депеши ентной? Ну, ребятёнок бы родился или, скажем, наследство агромадное кому-то подвалило – ну, тут понятно! Надо идтить – и побежишь. А тут? Купчина пьяный резвится, не иначе! Пишуть про какого-то племянника, ни дна ему не покрывши. Не желает тот племянник ехать туды, а желает сюды... Ну и пусть его – нешто до утра получатель не дотерпит? Кондратий Степанович!

– Осип! Ты меня удивляешь! Депеша под литером «внеочередная», в рупь слово – отправитель деньги уплатил, и нам дела нет, что там писано! А ты ведь экзамен, Осип, в прошлом годе держал на младшего телеграфиста – провалил, правда, но ведь стремился! Как же ты с таким пониманием своего долга должность телеграфиста исполнять бы стал, а? Видно, Бог шельму-то и вправду метит! Бери депешу и ступай, говорю! Доставляй!

Осип, поняв, что никакой отсрочки до утра не выплакать и не вымолить, принялся укутывать тощую шею в поднятом воротнике шинелишки башлыком.

– Полтора часа, как полночь пробило, – бормотал он. – Гляди-ка, срочная какая депеша! Ну, срезал меня почмейстер на экзаменте том – так что же? Всё одно лучше меня географию расейскую никто не отбарабанил, все признали! А тут? Не желает, видите ли, ехать племяш беспутный в Полоцк, а едет в Таганрог. Где на карте Полоцк, а где Таганрог? То-то, пьяный в зюсю купчина тешился, а люди тут страдай!

– Шагай живее, страдалец, – начал не на шутку сердиться телеграфист. – Я вот утром-то начальству доложу, что ты на цельную половину часа доставку «внеочередной» задержал! Погляжу тогда на тебя, географ хренов!

Добравшись до места проживания адресата в каких-то четверть часа – слава богу, Кронштадт невелик! – Осип приготовился долго колотить в парадную двухэтажного особняка, а потом терпеливо убеждать прислугу отпереть двери в глухую ночь. Однако ночного курьера будто бы ждали: после первых же ударов по двери из-за неё послышалось ворчливое: «Кого нелёгкая носит?»

– Телеграмма господину Крапивину, из Варшавы...

Загремели замки и запоры, и лишь в последний момент, перед тем как распахнуть дверь, прислуга посветила в смотровое окошко фонарём: точно ли телеграфный курьер? Фуражка с кокардой, на которой были выбиты две скрещенные молнии, убедила. И дверь распахнулась.

– Давай свою книгу, болезный! Распишусь сам, а барина будить не стану.

Повеселевший Осип охотно протянул открывшему дверь слуге разносную книгу, вручил конверт со сложенным особым манером телеграфным сообщением, и, не удержавшись, по-извозчичьи попросил строго запретное в почтовом ведомстве:

– На чайшко бы с вашей милости. Погоды-то эвон какие: ветрище просто с ног сдувает!

– Получи двухгривенный, страдалец! – слуга сунул Осипу монету и недвусмысленно распахнул входную дверь: выметайся, мол!

А Осип, которому неохота было снова выходить на стылую улицу, медлил:

– Слышь, мил-человек, а барин-то твой кто будет? Из купцов али как?

– Из купцов, из купцов, – скривил губы «мил-человек». – Ты давай, шагай, не студи фатеру-то! Дай двери закрыть...

Поправив башлык, Осип, поджавшись, мелкими шашками побежал обратно в телеграфную контору, с горечью и грустью размышляя о том, что не привёл вот Господь его родиться в купеческой семье. Или, скажем, в семействе большого почтового начальника – нешто он бегал бы вот этак-то, ночами, разнося дурацкие телеграфные депеши?!

Между тем «дурацкая» депеша из Варшавы дала основание прислуге разбудить барина «из купцов»:

– Ваш-бродь, депеша из Варшавы! – бережно потряс барина за плечо прислужник. – И заканчивается словами: «Хвала господу нашему». Ваш-бродь...

– Да встаю уже, встаю, – застонал, заворочался барин – не из купцов, конечно, а из секретных чиновников одного из департаментов МИДа. – Точно там – «Хвала Господу нашему»? Или просто – «Хвала Господу?»

– Нашему, ваш-бродь!

– А-а, ну сейчас!

Очень сильно удивился бы курьер Кронштадтской телеграфной конторы Осип, если бы увидел дальнейшие действия получателя срочной телеграфной депеши. Прочитав и перечитав текст, «барин» накинул тяжёлый халат и проследовал в особую комнату особняка, где был установлен... новейший приёмо-передающий телеграфный аппарат. Включив и настроив его, «барин» отбил положенный на нынешнее число пароль, и, поминутно сверяясь с текстом телеграммы из Варшавы, отправил свою депешу единственному адресату на другом конце провода – светлейшему князю Горчакову.

Таким образом, по прошествии следующего часа, депеша со срочным сообщением из Неаполя была доставлена получателю.

Разбуженный под утро камердинером, принёсшим на подносике сложенный в четверть лист писчей бумаги, светлейший легко поднялся, надел заботливо протянутые очки, развернул бумагу. Камердинер поднёс поближе шандал со свечами: в своём доме новомодного электрического освещения канцлер пока не признавал.

Прочитав и перечитав депешу, Горчаков приказал одеваться. Камердинер тихонько вздохнул, понимая, что обращать внимание светлейшего на то, что нонес только четверть пятого утра, бесполезно. Слава богу, что карету не приказывает заложить – стало быть, домашним телеграфом обойдётся...

В своём кабинете Горчаков, брызгая пером, написал половину странички убористого текста, позвонил в колокольчик:

– Значит, всё-таки Париж, – расстроено бормотал канцлер себе под нос. – И зачем он вам сдался, японские господа самураи? Что вы хотите показать нам, убогим?

В дверях возник помощник министра. Горчаков глазами указал ему на только что подписанную бумагу:

– Это отдайте в первое отделение нашего шифровального департамента, барону Таубе. Пусть самым срочным образом отправят в Париж, графу Орлову. А в Кронштадт для Неаполя по прямому проводу отправьте, голубчик, только имя.

– Будет исполнено, ваше сиятельство...

При канцелярии министра иностранных дел существовал шифровальный департамент, структурно поделённый на два отделения. В первом обрабатывались письма и директивы министерства, адресованные послам и консулам за границу. Второе отделение, руководимое тайным советником Долматовым, занималось более деликатными делами: здесь разбирались копии шифротелеграмм, которые удавалось добыть из дипломатической почты иностранцев. «Добыча» производилась двумя путями: перлюстрацией корреспонденции и методом прямого подкупа курьеров, перевозящих почту иностранных послов и консулов, аккредитованных в России.

Читая чужую переписку, и канцлер, и все чиновники МИДа от мала до велика, отдавали себе отчёт в том, что и российскую засекреченную почту заинтересованные в том иностранцы читают не менее старательно. Системы шифровки, коды и ключи к ним периодически менялись, но это вызывало лишь временные затруднения. Проходила неделя-другая, и добывались новые коды и ключи к ним. Причём добывать их в Европе труда не составляло: во второй половине XIX века в Берлине, Женеве, Брюсселе и Амстердаме сложился настоящий рынок шпионской атрибутики со своими расценками, со стабильными спросом и предложениями.

Именно по этой причине совсем недавно Горчаков, по совету барона Таубе, и завёл несколько неизвестных большинству сотрудников МИДа секретных телеграфных контор, одна из которых и переслала ему нынче шифровку из Неаполя. Из тайного фонда министерства были выделены деньги на покупку домов в непосредственной близости от Петербурга. Купчие, естественно, были оформлены на подставных лиц. Инженеры военного министерства протянули из «контор» прямой провод в МИД. В самих же «конторах» поселились самые обычные люди – где отставной офицер, где скромный рантье, где торговый представитель зарубежной фирмы.

Об установленных в «конторах» новейших телеграфных аппаратах знала только доверенная прислуга, тоже, впрочем, числящаяся по штату внешнеполитического ведомства.

Время от времени по этим адресам приносили депеши из настоящих телеграфных контор – как правило, вполне с виду безобидные и бесхитростные. На самом деле эти телеграммы были своего рода мидовскими молниями. Обработанные депеши по прямому проводу уходили в министерство, а там, как правило, незамедлительно докладывались высшему руководству.

Так случилось и на сей раз. Получив подтверждение о необъяснимом пока повороте японского посланника во Францию, Горчаков немедленно отправил в Париж шифровку о приоритетной необходимости установить самое тщательное наблюдение за персонами, имена которых графу Орлову будут сообщены дополнительно из другого источника. Имя персоны было надёжно зашифровано в другой депеше, совсем короткой, которая начала свой долгий обратный путь из Кронштадта во французскую столицу через Варшаву и Берлин.

Не сомневаясь, что официальная директива на имя графа Орлова уже сегодня будет расшифрована и ляжет на столы европейских коллег, Горчаков надеялся, что к истинному объекту его интереса «дорожки» у них пока нет.

Глава четвертая

Хозяин кабинета впёр в посетителя тяжёлое пламя единственного глаза, и тот, испытывая большие неудобства, тихонечко заёрзал на стуле, однако свой взгляд, удерживаемый на уровне коротких бачков высокопоставленного собеседника, отводить поостерёгся. Граф Николай Алексеевич Орлов, хоть и слыл, в отличие от своего отца, либералом, однако с преклонным возрастом старые раны и постоянное дурное самочувствие стали давать о себе знать. Более всего же граф не любил, когда собеседники в разговоре с ним отводили глаза в сторону. Николай Алексеевич в таком случае мог резко вспылить, наговорить кучу обидных предположений, а то и просто выгнать. Не поглядит, не вспомнит, что Александр Александрович Мельников – не губернский секретаришка, а чиновник 5-го класса, статский советник...

Чрезвычайным посланником в Париж генерал-лейтенант граф Орлов был назначен три года назад, в декабре 1871 года, ранее исполняя такие же должности в Австрии и Великобритании. Мельников прекрасно знал послужной список посланника и глубоко уважал этого человека за былые заслуги на полях сражений. В турецкой кампании 1854 года, будучи ещё в чине полковника, Орлов руководил штурмом форта, и в одну ночь получил девять тяжёлых ран и лишился левого глаза. Обласканный за личную храбрость императором, граф не пожелал доживать дни где-нибудь на покое и уже через самое малое время попросил у государя «живое дело». Чтобы не обидеть старого вояку, государь и направил его на дипломатическое поприще.

Но и тут генерал предпочитал действовать по-кавалерийски, не желая порой даже слышать об азах дипломатического искусства, чем приводил в отчаяние и начальство МИДа и коллег. Со временем граф стал прислушиваться к отеческим увещаниям государя, осторожным подсказкам коллег из внешнеполитического ведомства. И хотя в узком кругу семьи либо друзей по-прежнему говорил о глубочайшем отвращении к обычным в дипломатической среде увёрткам, недоговоркам и хитростям, на службе он стал использовать во

благо дела даже свой имидж прямого, бесхитростного служаки-генерала.

Но вот к чему Николай Алексеевич Орлов за всё время службы посланником так и не смог привыкнуть, так это к насущной необходимости чтения чужой почты, добывания шифров и кодов, тайного наблюдения за иностранными коллегами, а паче чаяния – использование попавшего в руки компромата к вящей пользе отечества.

Вот и сейчас он касался принесённой Мельниковым папки с материалами оперативного наблюдения кончиками пальцев, с явным отвращением. Когда речь шла о тайных операциях, даже густая щётка усов над верхней губой графа шевелилась как-то осуждающе.

– Скверно, милостивый государь! Скверно! Шестой день изволите азиатов под наблюдением держать, а результатов нет! Нету, Александр Александрович! Что прикажете канцлеру в Петербург докладывать?

– Помилуйте, ваше сиятельство! – Мельников позволил себе чуть улыбнуться. – Чего ж тут скверного, если наблюдение не выявило никаких нежелательных контактов? Это ж хорошо! И начальство наше в Петербурге наверняка довольно будет...

– «Не выявило»! – перебил Орлов, по-птичьи чуть склонив голову и недобро щуря глаз на собеседника. – Вот именно: не выявило! Может, просто плохо выявлялись? А? Вам не приходило в голову, милостивый государь, что у нашего петербургского начальства были все основания подозревать японцев в неких злоумышлениях? Начальству, я вам доложу, всегда чуточку виднее, нежели нижестоящим чинам! Никакой полковник, даже семи пядей во лбу, просто не может представлять себе общей диспозиции войск на поле боя так, как генерал, а тем паче фельдмаршал. Что, не согласны, сударь мой?

– Совершенно с вами согласен, ваше сиятельство! Но у нас-то случай совершенно иной! Японский посланник, направляющийся в Россию, в Италии вдруг неожиданно меняет маршрут следования и поворачивает в Париж. Учитывая наши непростые нынче отношения с Францией, это чревато всякими неожиданностями в дальнейшем. И нет ничего удивительного в том, что Петербург, обеспокоенный этим неожиданным поворотом, настоятельно просит нас понаблюдать тут за парижским времяпрепровождением японского

посланника! Вот мы и стараемся! И ничего, слава богу, пока не выявили. Вот отправился японец третьего дня к известному французскому мэтру мундир заказывать – может, он и вправду только ради этого в Париж завернул!

– Не знаю, не знаю, Александр Александрович! А встреча с неким французским военным, о котором в сегодняшнем отчёте говорится? Как его там...

– Жюль Брюне, – подсказал Мельников.

– Да, Жюль Брюне, милостивый государь! Разве это не официальное лицо? Не представитель военного министерства?

– Первые сведения о полковнике Жюле Брюне для нас вполне утешающие. Некоторое время тому назад он в составе французской военной миссии пробывал в Японии, в городе Иокогама несколько лет. Там же служил на флоте в чине капитана первого ранга и наш японец, Эномото Такэаки. Так что, скорее всего, это обычная встреча старых друзей, ваше сиятельство! Впрочем, помощник префекта Парижа, известный вашему сиятельству господин Мерсье, обещал в самое ближайшее время предоставить нам по полковнику Брюне подробнейшую справку.

– Не знаю, не знаю, – Орлов забарабанил пальцами по столу. – Я не слишком доверяю французам – легкомысленная какая-то нация! И этот Мерсье – да он просто щёголь светский, да и всё тут! Говоришь с ним о серьёзных вещах, а он всё пылинки с сюртука сдувает, складочки разглаживает... Ногти, извините, подпиливает!

– Напрасно вы этак, ваше сиятельство! Французская тайная полиция едва ли не первая в Европе среди прочих держав! А господин Мерсье, глава её парижского департамента, при всём внешнем лоске имеет высочайшую результативность в своём деле! Вот и за японцами нашими наблюдение организовал – любо-дорого! Я, грешник, подстраховался ведь – параллельно с французами частное розыскное бюро «Бинт и Самбен»[23 - Реальное розыскное бюро, созданное в Париже на средства Департамента полиции и подчинённое по линии секретного политического розыска МВД России за границами империи. Автор позволил себе лишь некоторую хронологическую вольность: бюро «Бинт и Самбен» было создано позже описываемых событий.] на японцев напустил!

– Ну и правильно, – буркнул Орлов, однако при упоминании о розыском бюро с отвращением пошевелил усами. – Нечего им тут даром хлеб есть, под нашей «крышей» на адюльтере «лягушатников» серебренники свои зарабатывать... Ну, так что они?

– И Генрих Бинт, и Альберт Самбен – из бывших агентов наружного наблюдения, ежели помните, ваше сиятельство. То есть люди суть многоопытные. И в отечестве нашем поработали, и тут изрядно уже. Так вот, они докладывают, что французские сыскные настолько японцев плотно опекают, что, как говорят, «пальца не сунуть». Пока те в гостинице жили, только раз и удалось нашим «наружникам» незаметно в их номер пробраться. С пользой, правда: тогда наши агенты вперёд французских обратили внимание на переполненные газетными мусорные корзины в номерах, занимаемых самураями. И унесли тот мусор для подробного и детального осмотра и анализа.

– Оставьте ваши мусорные малопривлекательные подробности, милостивый государь! – крылья горбатого породистого графского носа затрепетали, будто бы при обонянии мусорных корзин.

– Виноват-с... В общем, по многочисленным отчёркиваниям в газетных объявлениях и по сделанным на полях газет пометкам удалось определить, что японцы озабочены поиском достойного мастера по пошиву военного мундира. Что и получило полное подтверждение при дальнейшем наблюдении. Найдя мэтра Ворта, японцы вскорости съехали из гостиницы на меблированную квартиру – либо в видах экономии, либо не желая, чтобы им лишний раз докучала назойливая гостиничная прислуга. Французская полиция, кстати говоря, и там очень оперативно сработала: по докладам наших агентов, прислуга в снятой квартире была моментально заменена агентом полиции. Напротив квартиры японцев, в зеленой лавке, под видом приказчиков также постоянно находятся полицейские агенты наружного наблюдения. В непосредственной близости от дома дежурит фиакр, извозчик также заменён агентом. Как только японцы выходят из дома, в улице появляется сей экипаж...

– Ловко! – фыркнул Орлов, не маскируя всё ту же брезгливую гримасу. – И во сколько же, позвольте полюбопытствовать, нашей казне обходится такое усердие французских полицейских? Впрочем, не желаю знать! Слава богу, что никаким боком ко всей этой возне не причастен. Вы мне лучше скажите с полной ответственностью, Александр Александрович: могу я со спокойной душой рапортовать в Петербург об отсутствии подозрительных контактов японского

посланника?

– Пока да, ваше сиятельство! Зафиксирован лишь визит посланника в военное министерство, к упомянутому мсье Брюне, да к мэтру Варту, у коего заказан пошив мундира вице-адмирала. Всё остальное время господин Эномото тратит на пешие и конные прогулки по Парижу. Никаких встреч, никаких визитов в официальные учреждения. Что же касается спутников посла, то один из них и вовсе на улицу носа не кажет. Второй ограничивается короткими прогулками в районе проживания.

– Хорошо. Ступайте, милостивый государь!

Покинув личные апартаменты Чрезвычайного посланника во Франции графа Орлова, Мельников спустился на первый этаж особняка на улице Гренель, где размещалась канцелярия и присутствие посольства. Неприметная дверь, завешенная к тому же тяжёлой драпировкой, сообщала посольство со смежным помещением, где и располагалось Заграничное розыскное бюро Департамента полиции. Его ещё называли Парижским – по месту дислокации.

Статский советник Мельников, заведывающий всей Заграничной агентурой, в служебной переписке именовался «командированным министерством внутренних дел империи для сношения с местными властями, а также русскими посольствами и консульствами». В подчинении Мельникова находились также агенты, охраняющие за пределами отечества высокопоставленных лиц и монарших особ.

Главным объектом интереса Заграничного бюро была, разумеется, укрывшаяся в Европе неблагонадёжная русская эмиграция, революционеры всех мастей и калибров, а также прочая, по выражению тогдашнего министра внутренних дел Александра Егоровича Тимашева, «нигилятина». Необходимость отслеживания инакомыслия за пределами России проявилась тогда, когда в Европу переместились революционные лидеры, когда стала очевидным то, что именно тут зреет всё то, что потом «взрывается» в родном отечестве.

Однако очевидность меняющейся диспозиции с революционными и террористическими элементами не способствовала решению проблемы как таковой. Присмотр за инакомыслием, а тем паче проникновение внутрь законспирированных организаций и революционных ячеек за рубежом оказались

делом гораздо более трудным, нежели в родном отечестве. Причём трудности начинались уже на границе: ни одна из европейских держав не приветствовала легального появления у себя чужих агентов тайной политической полиции. К тому же многие весьма небесталанные у себя на родине агенты просто не могли работать за рубежом из-за языковых проблем.

Во Франции проблему попытались решить за счёт привлечения местных, как принято говорить, кадров. По согласованию с префектом Парижа Луи Андрие, главой русской резидентуры здесь стал его первый помощник Мерсье – шеф секретно-наблюдательной части парижской полиции. С русской революционной спецификой у него, конечно, было немало проблем. Но когда возникла необходимость плотного оперативного наблюдения за прибывшими в Париж японцами, тут французская тайная полиция проявила себя в полном блеске!

Сегодня, кстати, у Мельникова была назначена встреча с префектом, и он ожидал от этой встречи окончательного разъяснения роли полковника-артиллериста Брюне. Поглядев на часы, статский советник решил по пути в префектуру заглянуть в «Бинт и Самбен».

* * *

В это же самое время из небольшой гостиницы папаши Трибо по другую сторону Сены на парижскую улочку вышел молодой человек в тёмно-синем статском сюртуке, таких же брюках со штрипками и в венском котелке. Глянув в обе стороны узкой кривой улицы с рядами мрачных двух-трёхэтажных домов, он вопросительно обернулся к провожающему его хозяину:

– Ну, чистый Петербург, милейший! Такая же теснотища! Разве что потеплее тут у вас... В какую же сторону мне идти?

– Налево, налево, мсье Берг! Не более десяти минут лёгким шагом, и вы увидите купол Гранд-опера, а сразу за ней – бульвар Капуцинок, являющийся частью Больших бульваров, мсье! Там – истинный Париж! Так вам точно не нужен провожатый, мсье Берг? Вы уверены?

– Разберусь и сам с вашим Парижем, мсье Трибо!

Прикоснувшись двумя пальцами к полям котелка, Берг легко зашагал в указанном направлении, стараясь держаться середины скверно мощённой улицы, где грязи было поменьше.

Подумать только – он в Париже! ещё позавчера, передав сопровождаемую им команду офицеров своего батальона попечению русской военной миссии в Женеве и, тепло простившись с товарищами, он поспешил в билетные кассы железнодорожного вокзала и взял место в спальном вагоне до французской столицы. Поезд прибыл в Париж вечером, и, добравшись до гостиницы, Берг сдержал нетерпение и не отправился тут же на первую «вылазку», решив прежде как следует отдохнуть.

По зрелому размышлению, он ещё в Петербурге решил отказаться на время заграничного вояжа от военного мундира гвардейского батальона – тем паче что устав гвардейских частей требовал неукоснительного ношения мундира только в своём отечестве. Сменив в Париже мундир на статское платье, Берг почувствовал себя в нём хоть и свободней, но несколько неуютно. Более всего он опасался привлечь к себе насмешливое внимание истинных парижан своим провинциальным видом и заранее решил потратить первый день во французской столице на свою модную экипировку.

О Париже Берг много слышал от армейских товарищей, которым посчастливилось здесь побывать, собираясь в «европейскую экспедицию», молодой прапорщик-сапёр не поленился разыскать несколько новых и старых путеводителей. И тайком, опасаясь насмешек товарищей, несколько вечеров подряд штудировал их. Расставшись с командой офицеров в Женеве, он перестал маскировать брошюры, и к прибытию во французскую столицу считал себя основательно подкованным по части её географии.

Когда минут через десять неспешной ходьбы по улочкам старого Парижа впереди замаячил над крышами серый купол Гранд-опера[24 - Гранд-опера своим появлением обязана прихоти Наполеона III, который после покушения на него в старой опере на улице Лё Пёлетье отказался её посещать и потребовал новое здание. Строилась Гранд-опера 15 лет, и к весне 1874 года приобрела законченный вид. Открылась опера в следующем году, а позолоту на статуях на крыше и куполе обрела ещё позже.], Берг невольно ускорил шаги, и скоро оказался на широченном бульваре, уже носящем имя барона Османа, великого «переделывателя» облика Парижа. Строительные работы здесь ещё тоже не были закончены, однако яркая зелень и ровные ряды цветущих в эту пору

каштанов придавали бульвару праздничный вид. Яркие витрины множества магазинов и полосатые маркизы бесчисленных кофеен дополняли этот вид. В отличие от пустынных и почти безлюдных улочек, по которым Берг пробирался сюда, бульвар был заполнен людьми. Дав себе слово, что непременно вернётся сюда попозже, Берг устремился дальше.

Из пространных объяснений владельца гостиницы папаша Трибо Берг уяснил, что быстро и по последней моде можно экипироваться в одном из многочисленных пассажей – крытых галерей, обжитых торговцами и мастерами.

– Разумеется, истинный парижский облик мсье может приобрести лишь у известных мастеров швейного дела, – живописал француз. – Однако кутюрье шьют одежду несколько дней, а то и недель. Да и стоят их услуги недёшево, гм... Но в уличных салонах и магазинах мсье без труда и потерь времени сможет найти готовое платье, которое подгонят по его фигуре за час-другой. А пассажи, мсье Берг, тем и хороши, что вы без труда сможете скоротать время ожидания в других лавочках и магазинах, художественных салонах и даже в великолепных банях, мсье! Это же Париж!

Всё оказалось так, как и предсказывал папаша Трибо. Свернув в первую же встреченную торговую галерею, Берг без труда нашёл салон-магазин модной мужской одежды с расторопными приказчиками и до приторности вежливым хозяином. Пока портновские помощники спереди и сзади обмеривали фигуру Берга, а череда других демонстрировала клиенту образцы тканей и готовой одежды, хозяин салона перелистывал перед глазами Берга модные журналы, обращая внимание на детали и жужжа в ухо про последние выверты парижской моды.

– Вы из России, мсье? О-о, я мог бы догадаться – нет-нет, отнюдь не по выговору! Ваш французский безупречен, мсье – по одному лишь способу втачки рукавов... Я рекомендовал бы мсье вот этот кремовый сюртук – в Париже уже весна и не горами лето. Этот цвет очень моден в нынешнем сезоне! А в России нынче, позволю осведомиться, пока ещё холодно? О-о, это чувствуется, мсье, по цвету вашего платья, да! Пока Антуан – это мой лучший мастер – будет трудиться над подгонкой вашего сюртука, я мог бы проводить вас, мсье, в магазин по соседству! Трость и цилиндр – без этих деталей мсье не обретёт должного шарма. И конечно же, булавка в галстук, мсье! Извольте повернуть голову направо – видите вывеску с красной окантовкой? Это магазин моего доброго знакомого, мэтра Фрике, ювелира. Моим лучшим клиентам старый пройдоха

Фрике обязательно делает большие скидки! Булавка в галстук – и, конечно же, вам следовало бы сменить цепочку для ваших великолепных часов, мсье!

Слегка обалдевший от обилия внимания к своей персоне, Берг изо всех сил старался придать своему лицу безучастное выражение человека, которому подобное обращение не в новинку. Чтобы отвязаться, он согласился и на шляпника, и на ювелира, и на белошвейку мадам Робер, у которой ему было рекомендовано купить не менее дюжины сорочек с модными в новом сезоне высокими воротничками.

Вырвался Берг из галереи лишь часа через два – в новом, совершенно парижском, как уверял мэтр, обличье. Старое платье, как и дюжина приобретённых сорочек, были отправлены с посыльным в его гостиницу.

Назойливость первого встреченного офицером парижского торговца была при всем том весьма почтительного свойства, и Берг, опомнившись от первого ошеломительного натиска, сумел между стрекотанием и комплиментами хозяина получить в его салоне массу полезных сведений.

Мсье ищет салон мэтра Ворта? О-о, это очень известный в Париже кутюрье! Да, у него одевается весь парижский свет, он шьёт и для дам, разумеется. Дорого, конечно – но дело того стоит, мсье! Платье для невесты? О-о, поздравляю, поздравляю, мсье! Ваша невеста будет счастлива получить от вас последний крик парижской моды! Но мсье ещё так молод для брака – вы, ведь, кажется, военный, мсье? Офицер? О-о, никакой мистики! Ваша осанка, походка, а ещё привычка держать левую руку чуть полусогнутой, словно придерживая шпагу или саблю. Я угадал? Позволю себе заметить, мсье, что за мундиром вам не стоило ехать во Францию – в России есть прекрасные мастера. Статское платье – совсем иное дело, мсье!

Вы надолго в Париж? Всего неделя? Не огорчайтесь, мсье! Для первого знакомства с Парижем этого вполне достаточно. Позволю себе порекомендовать вам, кроме пеших прогулок, посетить сады Тюильри, обязательно прокатиться по Сене на лодке – на любой из набережных мсье без труда найдёт лодочников. Булонский лес? Мсье собирается жениться, и я не чувствую себя вправе давать вам советы подобного свойства... Но мы же мужчины, не правда ли, мсье? И у нас должны быть свои маленькие мужские тайны и слабости. В Париже много салонов, где можно без труда свести знакомство с прекрасными женщинами. Разумеется, куртизанками. Ни к чему не обязывающая лёгкая связь, мсье.

Рассматривайте сие как собственный каприз. Но вы смущены – умолкаю. Умолкаю, мсье! Как вам будет угодно. Посетите Офицерский клуб ветеранов, сходите в Латинский квартал, на Монмартр.

Окликнув фиакр, Берг велел ехать на Большие бульвары, ещё одно детище неуёмного барона Османа. Префект безжалостно сносил средневековые здания французской столицы, застраивая её одинаковыми доходными домами и пробивая радиальные проспекты для «проветривания» Парижа.

Глазея по сторонам и жадно вдыхая напоённый весенними ароматами цветущих деревьев и роскошных клумб воздух, Берг припоминал строки из путеводителей. Большие бульвары ничем не напоминали бывший на их месте оборонительный пояс города, начало возведения которого положил ещё Карл V. Теперь бульвары Мадлен, Капуцинок превратились в роскошные променады, наполненные толпами прохожих, стуком колёс бесчисленных экипажей, музыкой, смехом.

Ну, катание на лодках и в экипажах, пешие прогулки – это само собой, размышлял Берг. Офицерский клуб? Любопытно, надо только узнать – удобно ли идти туда в статском платье. Салоны, о которых упоминал хозяин салона? Можно, конечно, и сходить, любопытства ради. Входной билет в 30–50 франков – не так уж и накладно за удовольствие поглядеть на высший свет и его досуг. На тех же знаменитых французских куртизанок – будет о чём рассказать в тесной компании товарищей-офицеров. Никаких сомнительных знакомств, разумеется – просто поглядеть. Ну, может, поговорить, перекинуться парой фраз. А может, и не только поговорить. В конце концов, Париж – неофициальная европейская столица любви!

Берг смущённо кашлянул, словно, забывшись, заговорил вслух. Нет, разумеется, в салонах, о которых говорил владелец магазина, не встретишь знаменитостей, о похождениях которых захлёб писали все бульварные газеты – Баруччи, Кору Перл, Терезы Ла Пайва[25 - Знаменитые парижские куртизанки – итальянского, английского и российского происхождения.]. Эти жрицы любви имеют собственные дворцы и замки, а если и удостаивают своим вниманием салоны, то будьте уверены: не заведения для широкой публики и неизвестных иностранцев, и не за 30–50 франков!

Чёрт, а у меня даже нет приличных визитных карточек, вспомнил офицер. Надо бы заказать – тем более что владелец магазина упоминал об этом. Не то что в великосветский салон – к мэтру Вурту идти неудобно. Кстати же, можно и

заказать десяток визиток на вымышленное имя – кто знает, где и когда такая предосторожность может пригодиться!

Берг дотронулся серебряным набалдашником трости до плеча извозчика.
Попросил:

– Любезный, мне нужно завернуть в какую-нибудь мастерскую, где срочно делают визитные карточки. Знаете такую? Ну и отлично, поехали!

* * *

Посланцы далёкой Японии понемногу привыкали к суматошной европейской жизни. По утрам, вместо того чтобы подкрепиться традиционной чашкой риса с кусочками рыбы и овощами, они порознь направлялись в ближайшую кофейню за углом. Съедали по два рогалика – правда, чрезвычайно свежих и аппетитных – через силу выпивали по большой чашке кофе со сливками. Потом Эномото и Уратаро отправлялись на прогулку – шли обычно на набережную, где часа полтора неподвижно сидели на скамейке, глядя на яркие блики солнца в волнах реки со странным названием Сена и почти при этом не разговаривали. Слушали крики чаек. Асикага Томео после памятной размолвки с Эномото в дороге старался как можно реже попадаться посланнику на глаза и почти не выходил из своей комнаты, не общаясь даже с Уратаро.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Предмет убранства традиционной японской комнаты в богатых домах – сооружение из двух столбиков с перекладиной, на которую вешались разноцветные шёлковые ленты. – Здесь и далее примеч. автора.

2

Почтительное именование японского императора.

3

Фрейлин, дочерей видных японских аристократов, при дворе императора Японии было около трёхсот. Все они пользовались огромным влиянием – как и их отцы, сумевшие «пристроить» дочерей. Фрейлины Мэйдзи обладали большой властью при императоре, и вполне могли не допустить ко двору неугодного им человека.

4

Мать его действительно была наложницей императора Комэя. Сразу после рождения младенца окунули в Родник Божественной помощи и всё время окружали почтительным вниманием. Новорождённого нарекли Ситино Мийя. По достижению восьми лет он был официально усыновлён императрицей и провозглашён Наследным принцем с именем Мацухито Синно. Позже он получил коронационное имя Мэйдзи (просвещение).

5

Так в Японии того времени называли русских.

6

Японское название Сахалина.

7

Палочки для еды.

8

Божественный ветер – одно из почтительных обращений к японскому императору.

9

Одно лицо, одна порода.

10

Хоть испанцы, хоть французы – дали б только жрать от пуза (итальянская пословица).

11

Fessi – недалёкий человек, дурак. Furbo – ловкач, умеющий обдывать свои делишки при любом раскладе (итал., жарг.)

12

Искусство, умение устраиваться.

13

Большую чашку, любезнейший!

14

Любовная, супружеская измена?

15

Так называли период борьбы за политическое объединение всех областей Италии в единую страну.

16

17

Верховная распорядительная комиссия по охранению государственного порядка и общественного спокойствия – чрезвычайный государственный орган Российской империи, который объединил действия всех властей в борьбе с терроризмом. Учреждена именным указом императора Александра II шесть лет спустя после описываемых в романе событий. Предтечей Верховной распорядительной комиссии были разовые инспекционные поездки высших чиновников по именным повелениям императора и постановлениям Сената. Принимаемые Главным начальником комиссии распоряжения и меры подлежали безусловному исполнению и могли быть отменены только особым Высочайшим повелением.

18

Первый опыт организации почтовой службы в Европе, предусматривающий перевозку корреспонденции и пассажиров, был предпринят членами рода Таксис из Бергамо ещё в 1516 году, и с тех пор стал семейным занятием их потомков.

19

Французское почтовое льё в современных мерках составляет 3,89 км. Таким образом, путь от Неаполя до Турина равен примерно 720 километрам.

20

Старое название столицы Индонезии Джакарты. Батавией – в честь предков голландцев, батавов – был назван военный форт, на месте которого позднее и возник город.

21

Подлинные стихи Эномото Такэаки. «Длинная роща» – дословный перевод английского названия Лонгвуд – деревеньки, связанной с именем сосланного на остров Святой Елены Наполеона I.

22

Кроме «Кайё-мару» в соединение входило ещё семь кораблей.

23

Реальное розыскное бюро, созданное в Париже на средства Департамента полиции и подчинённое по линии секретного политического розыска МВД России за границами империи. Автор позволил себе лишь некоторую хронологическую вольность: бюро «Бинт и Самбен» было создано позже описываемых событий.

24

Гранд-опера своим появлением обязана прихоти Наполеона III, который после покушения на него в старой опере на улице Лё Пёлетье отказался её посещать и потребовал новое здание. Строилась Гранд-опера 15 лет, и к весне 1874 года приобрела законченный вид. Открылась опера в следующем году, а позолоту на

статуях на крыше и куполе обрела ещё позже.

25

Знаменитые парижские куртизанки – итальянского, английского и российского происхождения.

Купить: https://tellnovel.com/kalikinskiy_vyacheslav/posol-razorvanny-ostrov

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)